

Аркадий Неминов

(сборник повестей)

**ПЯТЬ ГРАММОВ
БЕССМЕРТИЯ**

Аркадий Неминов

Пять граммов

бессмертия (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6611241

Пять граммов бессмертия / Аркадий Неминов: Э.РА; Москва; 2014

ISBN 978-5-00039-030-6

Аннотация

«Пять граммов бессмертия» – вторая книга Аркадия Неминова. Как и в предыдущую, в нее вошли три фантастико-приключенческие повести писателя, герои которых – обычные люди, волей судьбы оказавшиеся в необычной ситуации. И действительно, если тебе предоставляется возможность стать бессмертным, какую цену можно заплатить за это? Как быть, если ты вынужден покинуть Родину не по своей воле? Что делать, если твое честное имя втоптанно в грязь?.. Если у тебя доброе сердце, чистая душа и благородные помыслы, само провидение оказывается на твоей стороне...

Содержание

Современная сказка про зоопарк, или	4
Удивительные похождения Спеца	
Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	37
Глава 4	51
Глава 5	58
Часть 2	69
Глава 1	69
Глава 2	77
Глава 3	85
Глава 4	94
Глава 5	102
Глава 6	111
Глава 7	121
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Аркадий Неминов

Пять граммов бессмертия

Современная сказка про зоопарк, или Удивительные похождения Спеца

Часть 1

Глава 1

В одном городе решили организовать зоопарк. Мэр этого города – человек, приятный во всех отношениях – в детстве очень любил животных и мечтал, чтобы в их маленьком городке был зоопарк. И эту свою мечту он пронес через всю жизнь, а, когда стал мэром, у него появилась реальная возможность ее осуществить.

Сказано – сделано! И через некоторое время в небольшом скверике на берегу речки появился дом для зверей. Впрочем, зоопарком его пока назвать было трудно, ведь кроме территории, огороженной металлическим заборчиком, двух

павильончиков для кассира и туалетов ничего и не было. А самое главное – пока не было самих зверей!

Но мэр, а звали его Пал Палыч, был, к тому же, человеком ответственным, и уж коли чего задумал, не успокаивался, пока не достигал максимального результата. А задумал Пал Палыч собрать в своем необычном зверинце представителей фауны со всех континентов. Но, поскольку для этой его идеи места было явно недостаточно, то пришла ему на ум одна безумная мысль: все звери в его зоопарке должны быть очень-очень маленькими... ну, как кошки, к примеру.

На эту мысль Пал Палыча навела статья, прочитанная им в одном научно-популярном и достаточно серьезном журнале. В ней говорилось об удивительном открытии, сделанном учеными-археологами, обнаружившими очень древние захоронения карликовых (ростом не более метра) людей и таких же животных. Например, были обнаружены останки древнего слона величиной с современного дога!

Позвал мэр к себе на прием своего зама по специальным вопросам – Андрея Петровича, которого за глаза по-дружески называл Петровичем или просто – Спецом, и поставил ему задачу: найти способ превратить огромных животных в маленьких и почти ручных, и доставить их в зоопарк как можно скорее.

Пал Палыч знал, что заму можно было поручить все, что угодно, не опасаясь, что тот завалит дело. Петрович был, что называется, Специалистом с большой буквы, мастером

на все руки, обладающим абсолютным чувством долга и ответственностью за порученное дело.

Это был поджарый, чуть выше среднего роста мужчина лет сорока – сорока пяти, с рыжеватыми усами и волнистыми, с ранней проседью, темными волосами. Его умные карие глаза на скуластом лице, всегда серьезные и внимательные в кабинете начальника, были готовы тотчас же прищуриться в открытой добродушной улыбке, стоило ему только отвлечься от серьезных городских дел. При этом у его глаз собирались веселые лучики морщинок, а упрямый, немного раздвоенный подбородок уже не придавал его лицу суровый вид.

Спец обладал завидной энергией и природным чувством юмора, любил позубоскалить и посмеяться. Одевался он просто, любил джинсы и куртки, но эта некоторая небрежность в одежде нисколько не портила его, а наоборот – только подчеркивала его спортивность и легкость. В мэрии его уважали и ценили все – от уборщицы тети Клавы до мэра Пал Палыча.

Поскреб Спец затылок и сперва, было, приуныл, – ведь задача-то непосильная, а не выполнить ее нельзя: очень он не хотел огорчать любимого начальника. Но потом повеселел, потому что вспомнил про свою дальнюю родственницу – весьма древнюю старуху, которая жила вот уже лет 90 безвылазно в маленькой заброшенной деревушке на краю света. Ведь по слухам была та старушка самой настоящей кол-

дуньей!

«А что, надо попробовать, уж если не она, то и никто мне не поможет!» – решил Спец. Оформил командировку и поехал к той колдунье. А чтобы не являться к ней с пустыми руками, прихватил с собой нехитрые подарки: тульские пряники, шоколадные конфеты «Мишка на севере» и пуховую шаль – а что еще можно подарить особе столь почтенного возраста?

Долго добирался Петрович до места и наконец, с горем пополам, он все-таки вышел к старой покосившейся избушке. Удивительно, но в той заброшенной деревеньке почему-то кроме двух одиноких избенок да старого колодца с неизменным журавлем ничего и никого больше не и было! Даже собак!

Постоял он недолго в нерешительности возле одной из них, почесал в затылке, да и постучал осторожненько в дверь. Никто не отозвался. Тогда Спец тихонько толкнул дверцу, и она со скрипом, словно нехотя, приоткрылась.

В темной горнице также никого не оказалось. Посередине стоял по виду еще крепкий дубовый стол, покрытый когда-то белой, но давно застиранной салфеткой. На стене висели допотопные ходики, которые, впрочем, не ходили. В углу, за рваной занавеской, угадывалась большая русская печь. Напротив нее, в другом углу, где должна была находиться икона, стоял большой горшок со странного вида растением: его продолговатые листья были словно изъедены молью. Над

столом низко нависала лампа с большим абажуром. Все пребывало в некотором запустении, как будто бы в избе давно не живут. Потоптавшись на месте, Спец решительно подошел к столу, придвинул тяжелый табурет, стряхнул пыль с салфетки и достал из дорожной сумки гостинцы, приготовленные для старухи.

«Я просто немного подкреплюсь», – сказал он сам себе. – Все равно у старухи наверняка есть нечего, да, может, и не живет она здесь уже».

Поев, Спец завалился на холодную печь как был в одежде, укрылся пуховой подарочной шалью и мгновенно уснул.

Проснулся он от ощущения, что на него кто-то смотрит. Спец открыл глаза и вздрогнул от ужаса: прямо ему в лицо уставились злобно горящие глаза на старой сморщенной физиономии с крупным шишковатым носом и кустистыми бровями. Криво усмехнувшись, бабка, – а это была именно она, прошамкала:

– А чего это ты, мил-человек, мой харч стрескал? Али терпезу не хватило? А может, не мне вез?

– Вам, бабушка, как не вам! Простите, Христа ради! Думал, уж померли вы!

– А ведь ты врешь! – немного подумав, процедила старуха. – Ну, да ладно. Говори, зачем пришел... хотя я и так знаю. Или сумлеваешься? – старуха хищно усмехнулась, обнажив при этом ярко-желтый клык.

Спец промолчал, с недоумением следя за старухой, кото-

рая прошаркала к кадке со странным растением.

– Хошь табачку-то, а? – подмигнула бабка. – Хор-р-роший самосадик! А кусный какой! Да и не простой он...

Старуха сорвала пару листков, размяла их между пальцами, сложила в неизвестно откуда появившийся крохотный кулек и, ловко скрутив козыю ножку, достала из тряпья у себя на животе изогнутую, как дуга, спичку. Помусолив самокрутку во рту, старуха вдруг с треском чиркнула спичкой о свой страшный клык. Вспыхнул огонек и с шипением перебежал на поднесенную сигарку, а старуха с укором произнесла:

– Не веришь-таки! А зря! Щас докажу!

Она сделала пару шагов в направлении Спеца, при этом глубоко затянувшись и, кашлянув, глядя прямо в глаза, вдруг голосом Пал Палыча забасила:

– Ты пойми, Петрович, этот зоопарк для меня – все! Ну, придумай что-нибудь. Очень на тебя надеюсь. А за мной не заржавеет, ты ж меня знаешь! – и старуха ну в точности, как это обычно делает мэр в минуты волнения, потеребила себя за ухо.

– Ну, как? Похоже? – бабка, вдруг потеряв интерес к Петровичу, устало присела на край дубового табурета.

У Спеца похолодела спина.

«Ведьма, ей-богу, ведьма!» – пронеслось у него в голове.

– Сам ты ведьма, придурок! – старуха сплюнула желтую слюну себе под ноги. – Говорю тебе, я – экстрасенс! Смот-

ришь, небось, телик-то?

– Бабушка, милая, выручай. Ты ведь наверняка все можешь! – заканючил Спец, лихорадочно соображая, каким же образом она узнала про задание, порученное мэром.

«Неужели, просто считала мысли?» – возникла в его мозгу догадка.

А бабка, отвернувшись к закопченному окошку, с каким-то даже удовлетворением заключила:

– Значит, все-таки не веришь ты в магию. Я-то ведь пошутила про телик-то, да и откель здесь телевизору взяться? А хочешь проверить мою магию на собственной шкуре? – Старуха резко повернулась к Спецу и, не дав раскрыть ему рта, укоризненно и с какой-то детской обидой добавила: – А не надо было сжирать мои подарки! – Потом, вздохнув, пояснила: – Ну, нету здесь сельпо, почитай, лет тридцать уже! Я ведь все сама могу сотворить, а вот конфеты – нет, вкуса не помню!

Бабуся подошла к печке, вытащила смятую шаль, зачем-то понюхала и проворно запихала ее за пазуху.

– За полушалок – благодарствуйте, порадовал! – церемонно поклонилась она и, охнув, придерживая поясницу, поплелась к столу. – Сам-то каких будешь? Ну, чьей породы? Чего-то я тебя не припоминаю... Да мне и без надобности, хучь ты мне трижды сродственник! Я тебя сюды не звала! Зла я на тебя за конфеты! – словно оправдываясь, повторила она. – Я тебе помогу все ж таки, – немного помолчав, сказала ста-

руха. – Да только есть одна закавыка. Стара я для энтих делов – силушка здесья требуется непомерная, а у меня на завтра стирка намечена. Нету никаких возможностей. Сечешь поляну, огузок? – вдруг закричала она голосом Юрки, закадычного дружка Петровича еще с детства. – Так вот я и говорю, – продолжила старушениця уже своим голосом, – недосуг мне!

– А как же ваше обещание, бабушка? – Спец аж подскочил от такого поворота.

Старуха, явно с удовольствием, долго «держала паузу», всматриваясь куда-то сквозь собеседника, не забывая при этом почесываться и одергивать бесчисленные одежды.

– Так ты, касатик, все сам и сделаешь, а я подскажу. Дело, конечно, мудреное, да ты, я вижу, хват еще тот! – она озорно подмигнула вконец ошарашенному Петровичу и, внезапно хлопнув себя по колену, затряслась в беззвучном старческом смехе.

Вдруг старуха, так же неожиданно перестав смеяться, словно что-то обдумывая, медленно, глядя на Спеца сверху вниз, заговорила: – Ты, касатик, ничего не бойся. Подойди-ка, друг ситный, вот к тому цветочку, – и старуха указала направление желтым пальцем с безобразно длинным ногтем.

Он подошел к кадке, и вдруг на его глазах из цветка полез, изгибаясь, как уж, коричневый росток. Спец смотрел во все глаза, а росток тем временем уже принимал замысловатую форму, смутно напоминая что-то до боли знакомое...

– Ну, неужто не узнал? – осклабилась старуха. – Да ты возьми в руки-то, не дрейфь!

Он машинально протянул руку, и на его ладонь упал... пейджер, вернее, прямоугольное коричневое гнездо с красноватыми кнопками-почками, расположенными в ряд, и экраном из блестящего, зеленого, в прожилках листа!

У Спеца глаза на лоб полезли. Вот это да! Он с благоговейным ужасом взирал на чудо «электронно-древесной» техники, от изумления не в силах произнести ни слова. Бабка, лукаво поглядывая на растерявшегося Петровича и, явно наслаждаясь произведенным эффектом, осведомилась:

– Умеешь пользоваться-то?

Спец беспомощно оглянулся на старуху и обомлел: перед ним была уже не безобразная старая развалина, а самая что ни на есть красавица с рекламы «Покупайте только у нас!». И пока он переводил дух, красавица в строгом деловом костюме сноровисто раскладывала какие-то брошюры и инструкции на дубовом бабкином столе.

– Пожалуйста, подойдите сюда, – низким грудным голосом позвала девица, – мне поручено ознакомить вас с правилами пользования «Преобразователя» на длинных, средних и ультракоротких волнах.

Петрович, открыв рот, хотел, было, уже пошутить на тему «а что вы делаете сегодня вечером?», как вдруг какая-то неведомая сила, растянув ему губы в подобострастной улыбке и по-лакейски согнув спину, приблизила его к красавице.

Та, как будто ничего не замечая, продолжала говорить своим завораживающим контральто:

– Преобразователь модели «ПМЭ-1У» расшифровывается как Преобразователь Магической Энергии...

– А цифра «1» означает, что это – первая модель, а буква «У» – это универсальный? – решил блеснуть эрудицией сообразительный Спец. – И в чем же его универсальность?

Девушка вздохнула, видимо, недовольная тем, что ее перебили:

– Отчасти вы правы. Кроме того единица означает, что поле воздействия Преобразователя рассчитано на одного человека. А что касается универсальности, то, находясь в пределах нашей страны, ему не нужно никакого источника питания, кроме естественной энергии космоса и земли наших предков. Вне пределов страны достаточно вставить в нишу обычную универсальную аккумуляторную батарейку от мобильного телефона. А это отверстие предназначено для подключения универсального зарядного устройства для мобильного телефона.

– Это что же, вроде, как бы роуминг получается? – не унимался Петрович.

– Ну, вроде того, если вам так более понятно! – отрезала серьезная девушка и продолжила: – Для начала необходимо указать континент, страну, затем задать координаты среды обитания биологического объекта или можно просто вызвать карту искомого района и кликнуть нужную точку на

карте, как, к примеру, в навигаторе, после этого выбрать животное и нажать на эту кнопку, – девица ткнула изящным ногтем. – После необходимого контакта с объектом и воздействием на него вы снова сможете стать человеком, нажав на ту же кнопку! У вас есть вопросы? – доброжелательно улыбнулась она.

– А для чего... – начал, было, озадаченный Спец, но девица тут же перебила:

– Не утруждайтесь, сейчас объясню. Чтобы найти с животным общий язык, надо в него превратиться! – девица снова улыбнулась. – Теперь понятно?

Он по-прежнему ощущал себя непроходимым тупицей, но признаться в этом красавице был не в силах.

– Хорошо, – произнесла она и, не дожидаясь реакции собеседника, стала медленно растворяться в воздухе, а вместе с ней исчезли и чудесный запах, и листки со стола.

– Дурень ты, дурень, а еще антеллихент! – проскрипел ставший уже привычным голос старухи. Она сидела на печи и увлеченно ковыряла большой изогнутой спичкой в недрах своей пасти. – Чему тебя только в школе учили?

Кряхтя и отдуваясь, она слезла с печки и направилась к двери.

– Не получится из тебя толку, Андрюшка! Дундук ты, одно слово! А ишо сродственник... тьфу! – Бабка, поправив тряпье на груди, вдруг утробно зевнула. – Зря ты, дурья твоя башка, с друганом своим Юркой с физики сбегал. Знал бы

тогда, что... «для того, чтобы произвести какие-либо действия над величинами, необходимо перейти к единой системе единиц измерения...» – сообщила вдруг старуха противным голосом физички Галины Алексеевны, которую Спец не переваривал еще в школе.

– Бабушка, – взмолился Петрович, даже не отреагировав на то, что старуха назвала его по имени, – не извольте гневаться. Виноват, кругом виноват! Велите слово молвить! – выпалил он почему-то в несвойственной ему манере подхалимажа. – Все сделаю, только объясните по-простому: что надо делать!

– Ладно, шут с тобой, – бабка еще раз зевнула. – Только ты, касатик, тогда и мне службу сослужи, а я уж, так и быть, научу тебя с этой штукой управляться.

– Что сделать-то надо, бабуля? – простонал Спец, усиленно соображая, какую еще гадость приготовила ему вредная старуха.

– Но-но, я могу и передумать! – перехватила мыслишку колдунья, выходя во двор. – Значитца, так. Есть здесь недалеко, за той речушкой, – старуха неопределенно махнула куда-то вдаль, – пещерка махонькая, а в ней лаз вглубь уходит. Да все косо, косо и упирается в дверку железненькую. У меня от той дверки ключик имеется. Добрые люди сказывали, что за дверкой той есть комнатушка... – старуха вдруг умолкла и шумно высморкалась в новый полушалок. – Эх, молодость, молодость! А ты, Андрюшенька, не слыхал, часом, чего там

ваши светила про продление жизни бормочут? Ишо не изобрели там чего? А-а-а, вижу, ни черта ты не слыхал, деревня! Я наемни тут голос Америки словила, так они болтают, что их ученые секрет знают... Да ладно, где та Америка... О чем бишь я? Да, так вот. Зайдешь в комнатушку и принесешь мне оттуда сундучок. Да ты спишь, што ли?

Спец понуро стоял рядом со старухой. Он с тоской думал о том, что зря влез в эту авантюру, к тому же ему очень хотелось есть, спать и вообще – домой.

– А что в сундучке-то? – поинтересовался он уныло.

– Не твоево ума дело, – насупилась старуха, – но тебе, как родному, скажу: веришь – нет, а я могу многое! Разные травы знаю, хвори всякие лечу. Это еще от моей прабабки идет. А вот бессмертия не дано! Когда моя бабка-знахарка помирала, то рассказала о монахе, заточенном еще при Иване Грозном в темницу за колдовство. И было старцу уже тогда триста лет. Секрет он знал, да с собой унес. Ларец-то этот – его! Усвоил? – старуха хитро подмигнула. – Ну что, согласен помочь бабушке секрет тот прознать, а себе в карьере пособить? – и, не дожидаясь ответа, пригрозила корявым пальцем: – А чтобы ты, касатик, с сундучком тем али без него не сбег, я тебе поводыря свово дам. Он за тобой приглянет, да и тебе не скушно будет!

С этими словами старуха, выпростав из-под тряпок ржавую гребенку, стала с остервенением расчесывать свои космы. Затем она внимательно поглядела на гребешок и с до-

вольным хмыканьем вдруг зажала что-то в кулаке.

– Ну, вот и славненько! – пробормотала бабка себе под нос, бухнулась на колени и замерла в позе кающейся грешницы, положив голову на сомкнутый кулак.

Петрович еще некоторое время потоптался в нерешительности и, видя, что никаких изменений не происходит, робко позвал:

– Бабуся, а бабуся!

Не дождавшись никакого ответа, он, брезгуя прикоснуться руками, тихонько ткнул старуху носком ботинка. К своему изумлению он почувствовал, что его носок провалился в пустоту! Вместо бабки на лужайке перед избой лежал ворох тряпья, точно повторяющий контур тела исчезнувшей старухи. С досады, что она снова над ним посмеялась, Спец с размаху поддел ногой тряпичный муляж и тут же отпрянул: на месте откинутого тряпья лежало невиданное им прежде существо, сильно напоминающее обыкновенную блоху, коих он во множестве видел на Юркином псе, только размером с черепаху.

Отвратительная тварь имела коричневую окраску, шевелила усиками и озорно поблескивала выпуклыми глазками. Она вдруг невысоко подпрыгнула, шлепнулась на спину с глухим стуком и зашевелила мохнатыми лапками.

Самым удивительным оказалось то, что на лапках у блохи были подковы! Маленькие, довольно изящные, но по виду – самые настоящие подковки! Он готов был поклясться, что

блоха этот фокус проделала специально, чтобы похвастаться. Спеца чуть не вырвало. Он поискал глазами какую-нибудь палку, чтобы хоть как-то обезопасить себя от непонятной твари.

– Даже не думай! – раздался уже знакомый надтреснутый голос старухи, и Спец, уже привыкший к различным метаморфозам, все же сильно вздрогнул.

– Да ты не кривись, не кривись. Про это самое дело еще Лесков писал. Читал, небось, про Левшу-то? Ну, да ладно. Я вот тебя попрошу, касатик, – проскрипела начитанная блоха-старуха, переворачиваясь опять на живот, если блестящий жесткий панцирь можно было так назвать, – собери-ка мои пожитки да и отнеси их в горницу, а я пока приведу себя в порядок.

В последней фразе ему даже почудились некоторые кокетливые нотки. Он только крякнул в ответ и с изумлением и отвращением проследил взглядом за блохой, с каким-то даже достоинством упрыгавшей за избушку.

Глава 2

Наконец подготовка к походу была закончена, и бедный Петрович, шагая за блохой, резво цокающей подковками, думал о бренности всего сущего и о непостижимости природы бытия. Такие умные мысли совсем нечасто посещали его, и он с уважением поглядывал на блоху, заставившую задуматься.

маться о высоком.

Тем временем путники подошли к небольшой речушке, заросшей по берегу кустарником и выгоревшей на солнце травой. Блоха деловито шлепнулась в воду и скрылась из виду. Спец подошел к тому месту, куда она прыгнула, и стал вглядываться в мутную воду.

– Кхм, хм! – услышал он вдруг чей-то негромкий кашель у себя за спиной. Сзади, опираясь на палку, стоял вылитый шолоховский дед Щукарь из известного кинофильма. – Здесь и рыбы-то нет, не говоря про людей!

Щукарь усмехнулся в седые усы, поправил ушанку с заломленным ухом и стал хлопать себя по бокам, видимо, в поисках курева. Так ничего и не найдя, он плюнул и подошел к Петровичу.

– Я извиняюсь, конечно, можно полюбопытствовать: уж не к нашей ли бабке Лукерье вы пожаловали? У нас здесь лет тридцать, почитай, никого не было. Да и остались во всей деревне только мы с Лукерьей. Вот я и подумал, – со значением подняв палец, продолжил дед, – ежели не ко мне, тогда – к ней! – и, удовлетворенный своим логическим выводом, почесал нос палкой.

– Ну да, к ней... мне бы на тот берег переправиться. У вас здесь не глубоко? – спросил Петрович.

Старик еще раз многозначительно кашлянул и поманил его за собой. Они подошли к кустам неподалеку, и Щукарь, заговорщицки подмигнув, выволок откуда-то из зарослей ут-

лую лодчонку, позеленевшую от старости и покрытую какой-то слизью.

– Карета подана! – старик был явно доволен произведенным эффектом. Еще раз кашлянув, сообщил: – Я для Лушки что хошь сделаю! – и добавил, немного подумав: – И для ее гостей – тоже!

После этого загадочный дед повернулся и исчез за кустами.

«Ну, дела!» – Спец почесал затылок. Однако проблемы с переправой уже не существовало, и он, критически оглядев лодчонку, столкнул ее в воду. Оттолкнувшись от берега веслом, Петрович направил свой «корабль» к горке, на которую указывала блоха...

Пристав к довольно отлогому противоположному берегу, измученный борьбой с непослушной посудиною, Спец выполз на сушу, прилег, подложив под голову подвернувшийся валун, и подумал, что неплохо было бы сейчас подзаправиться, ведь целый день крошки во рту не было...

– Поосторожней можно?! – раздалось над самым ухом Петровича. Валун вдруг зашевелился и отполз. Блоха, – а это была она, недовольно вращая глазками, увещевала: – Вот ты все о брюхе своем думаешь, а знаешь, почему я так долго живу? Ем мало! А если и ем, то корешки да листочки, ягоду опять же, грибочки всякие. Я, это... «виртарьянка», вот!

– Может, вегетарианка? – хмуро поправил ее Спец. – Я бы сейчас и траву съел!

– Ну, пусть вегер... верген... тьфу, напасть! Язык сломаешь! Дык ты, милоч, аккурат на своем обеде и сидишь!

Спец поспешно приподнялся, но ничего, кроме обычной для речного берега растительности, не увидел. Зато увидел огромного земляного червя, выползавшего из-под смятой травы.

– Ну, чего смотришь, хватай его, уползет ведь! – блоха дробно, по-старушечьи засмеялась. – Этот червячок не простой, – отсмеявшись, назидательно продолжила мудрая блоха, – тебе будет достаточно только его кусочка, чтобы насытиться на неделю. Старичка-то, Саввича, помнишь? Ему трех хлебаков хватает на зиму. Я научила! Да лови же его, уйдет!

– Значит, хлебак? – Петрович схватил извивающегося червя за кончик и поднял над землей. – А как его есть-то? Может, пожарить или еще как?..

Он поднес червя поближе к глазам и почувствовал вдруг, как тело червяка стало меняться на глазах. Червь начал растягиваться, как резинка, из коричневого он вдруг превратился в ярко-зеленого, затем – в желтого. От увиденного Спец сразу есть расхотел.

– Что за черт! – воскликнул Петрович и отбросил его на траву. Хлебак мгновенно принял прежний вид и, проворно извиваясь, попытался скрыться.

– А ты все же споймай его да в коробочку пристрой, тады он безобразничать и перестанет! – старуха-блоха указала

отвратительной лапкой на спичечный коробок, валявшийся под кустом. – Небось, Саввич обронил.

Послушавшись мудрого совета прихватить хлебака, Спец, ведомый проводником-блохой, добрался до неприметной горки, снизу облепленной рыжим кустарником, а сверху сплошь заросшей бурым мхом. Блоха долго топталась у подножия, словно соображая куда идти, затем, видимо, приняв решение, поскакала прямо к черному пню, за которым угадывалось небольшое углубление в каменной стене горки.

– А горка-то не такая уж и маленькая, – изрек Спец и прибавил: – А пещерки-то – тью-тью!

Блоха, не обращая никакого внимания на слова Петрови-ча, продолжала что-то вынюхивать за пнем.

– Слава Богу! – она подпрыгнула от радости. – Я нашла! Ступай ко мне, да осторожнее, на меня не наступи!

«А это мысль!» – пронеслось в голове у Спеца, но он усилием воли прогнал крамолу, вовремя вспомнив про телепатические способности его спутницы. Но ей, похоже, было не до того: она вплотную прижалась панцирем к одному из углублений у подножия и почти с геометрической точностью вписалась в рельеф.

– Надави на меня рукой, только не слишком сильно, я все-таки, как-никак, женщина, – пошутила старуха-блоха.

– Как надавить?

– Нежно! – голосом Жеглова из «Места встречи изменить нельзя» прохрипела она.

Он осторожно подошел к блохе, превозмогая отвращение, легонько надавил на ее глянцевое и оказавшееся очень твердым брюшко, и... ничего не произошло! Блоха не издавала ни звука, она практически сливалась с поверхностью каменной стенки, лишь маленькие подковки поблескивали в отсветах заходящего солнца. Почесав в затылке, Спец решил еще разок испытать на прочность брюшко блохи. Он уже протянул, было, руку, как вдруг обнаружил, что в нише уже никого нет, впрочем, как нет и самой ниши, а вместо нее образовалась узкая вертикальная щель, которая прямо на глазах становилась все шире и глубже. Открыв рот, он как замороженный наблюдал за метаморфозой, происходящей с, казалось бы, незыблемой поверхностью горы. Щель тем временем превратилась в узкий проход, теряющийся где-то в недрах.

– Бабушка! – наконец-то опомнившись, позвал свою спутницу Петрович. – Ты где? – И подумал про себя: «Неужто раздавило?» Ему даже стало жалко вредную старуху.

– Не дождетесь! – тотчас сварливо откликнулся знакомый голос уже за спиной. – Ты, милоч, не сумлевай-ся, – блоха подобралась поближе к проему, – все идет, как прабабка мне говаривала. Только вот... – блоха помолчала в раздумье, – есть одна закавыка! Бабка сказывала, что схемка али чертежик какой должны быть. Ну, подсказка, то есть, как до лазу-то добраться. Ты сам погляди-ка: здесь, у входа, нет ли чего похожего? Глаза-то у тебя, небось, помоложе будут!

Спец сделал осторожный шаг внутрь и огляделся...

Когда-то в ранней юности со своим неразлучным другом Юркой они сбегали с уроков и, шатаясь по парку близ школы, мечтали, как поедут покорять неведомые просторы и окунутся в настоящие приключения. Эх, Юрка, Юрка, где ты сейчас?

Его приятель сразу же после школы уехал поступать в мореходку, и после ее окончания, женившись, так и остался в другом городе. В родной дом он приезжал довольно редко, но и в те короткие приезды он обязательно заходил к Петровичу, и они за рюмкой чая вспоминали свои детские мечты. Юрка, став моряком, отчасти исполнил свое желание путешествовать по миру.

– Вот теперь и я окунулся в приключение... на свою голову! – невольно произнес вслух Петрович, знобко поежился от сырого холода, исходящего из темной пещеры, и обернулся к блохе: – Бабуся, нет здесь ничего, да и не видно ни зги!

В следующий момент темнота как будто отступила, и картина, представшая перед глазами, вновь поразила Спеца: у самого входа в проем обнаружился самый настоящий пластиковый зеленый стол со стулом из той же серии. На столе разместилось все то, что любой усталый и голодный путник не мог вообразить себе даже в самых сладких мечтах.

В центре стола возвышалась большая пластиковая бутылка с темной жидкостью, а вокруг разместились: восхитительный шашлык на шампурах и свежая зелень с овощами на та-

релке, дымящаяся плошка с ярко-красным борщом со сметаной и большая краюха черного ноздреватого хлеба. Кроме этого на длинной тарелке благоухала копченая рыбина, а рядом стояла ваза с фруктами. Спец сглотнул слюну.

– Ну, бабуся, ну удружила! – простонал он и ринулся к угощению.

Наконец, насытившись, Петрович отвалился от стола. За едой он совсем позабыл про благодетельницу-блоху, и ему захотелось отблагодарить ее за праздник души, который она ему устроила. Спец огляделся, но блохи нигде не было видно. Темнота как-то внезапно сгустилась, накрыв и лужайку перед входом в пещеру, и ржавые кусты по краям, и даже стол с объедками и недопитой бутылью с квасом. Его взгляд снова остановился на проеме. Внутри явно было светлее, чем снаружи, и, повинувшись скорее древнему инстинкту, нежели любопытству, Спец побрел на огонек.

Шагнув в пещеру, он убедился, что слабый свет, увиденный снаружи, не мираж, а реальность! Мириады светляков, облепившие все своды маленькой пещеры, образовывали как бы гирлянды нежно-зеленого свечения, и это было так красиво, что вполне примиряло нынешнее его положение с пугающей действительностью... И еще. Он, оказывается, уже успел соскучиться по сварливой старухе-блохе, так некстати его бросившей. И только он об этом подумал, как откуда-то из темноты позади себя он услышал знакомое дробное цоканье. «Блоха!» – радостно выдохнул Спец.

– Касатик, а касатик! – раздался знакомый призыв. – Ты там не уснул, часом? Нельзя, милоч, здесь спать, никак нельзя – сгинешь! – Блоха подошла вплотную. – Пока вы кушать изволили, – язвительно заметила она, – я все разведала и узнала, и даже лаз нашла! А чтобы тебе посветлей было, ступай-ка к столу да принеси мне бутыл. Квасок-то скусный, а? Ядреный! Сама на хлебаках настаивала! Ну, иди, иди с Богом!

Спец стало безумно интересно, каким это образом можно заставить квас, пусть и на хлебаках, сделать источником освещения. А оказалось, все очень просто: по указанию блохи он вылил остатки действительно очень вкусного кваса и поставил пустую бутылку вплотную к одной из стен. Не успел отойти, как словно по мановению волшебной палочки, к бутылке устремилась светящаяся река из светлячков, тоже, видимо, любителей бабкиного зелья. В мгновение ока бутылка превратилась в яркий фонарь неиссякаемого мягкого света.

«Здорово! – восхитился Спец бабкиной сметке. – Ай да блоха! Кому-то рассказать – ведь не поверят!» И тут же поймал себя на мысли, что почему-то именно это, по сути, простое и объяснимое с точки зрения физики и биологии явление, вызвало у него гораздо больший восторг, чем все, что ему довелось увидеть до этого.

– То ли еще будет ой-ой-ой! – важно ответствовала подкованная в области культуры блоха, видимо, все же не решившись пропеть слова известной песни голосом Аллы Пугаче-

вой.

* * *

Тем временем мэ́р не находил себе места. Шагая по кабинету взад-вперед и беспрерывно теребя себя за ухо, он никак не мог успокоиться. Вызвал секретаршу и осведомился: не было ли звонков от зама по спецвопросам. Получив отрицательный ответ, помрачнел, уселся в кресло и забарабанил по столу пальцами.

Он был хорошим руководителем и болел душой не только за дело, но и за людей, его окружавших. Петрович был для него не просто замом, но еще и другом. Он не сомневался, что, если Спец сказал «сделаю», то за результат можно не беспокоиться. Но мэ́р все-таки беспокоился, и не столько за результат, сколько за жизнь своего зама, понимая, что того остановит только сама смерть.

Потеряв всякое терпение, вновь вызвал секретаршу.

– Сколько времени прошло с тех пор, как Андрей Петрович не выходит на связь?

– Три дня, – отвечала секретарша, – да вы не волнуйтесь так, Пал Палыч! Может, у него с телефоном что или зарядка кончилась... а, может, он вообще его потерял.

– Лучше уж телефон, чем голову... Вот что, Лидочка. Вызови-ка ты мне начальника охраны, да и чайку сделай покрепче!

Через минуту в кабинет мэра негромко постучали:

– Можно, Пал Палыч?

Перед мэром появился большой и важный начальник охраны. Если бы кому-нибудь пришло вдруг в голову сравнить этих двух людей по внешнему виду на предмет их подчиненности друг другу, то ни у кого не возникло бы ни малейшего сомнения, что лысый здоровяк в дорогом черном костюме при белой рубашке с галстуком – это руководитель, а неприметный коротышка в мятой одежде – его подчиненный!

– Вызвал я тебя вот по какому делу, – всматриваясь снизу вверх в лицо начальника охраны, сказал мэр. – Есть у меня подозрение, что Петрович наш в беду попал. На звонки, понимаешь, не отвечает, да и сам на связь не выходит. А уж почитай неделя как уехал. А самое главное – не сказал куда, где его теперь искать! Есть соображения по этому поводу?

Начальник охраны задумался:

– Имеется у меня одна мыслишка на этот счет. Но надо ее проверить.

– Вот и проверяй, а завтра доложишь. Свободен! – Мэр встал из-за стола, подошел к окну и закурил.

* * *

А в это самое время Спец примерялся к бутылки-фонарю, соображая, как бы половчее его нести, чтобы светляки в кучу

не сбивались.

– Ты, Андрюшенька, – увещевала блоха, – запомни только одно: держись все время правой стороны, сколько бы развилок тебе ни повстречалось. А когда пойдешь обратно – левой! Уразумел? – старуха говорила, а сама при этом усердно копошилась в углу пещерки, в самой темной ее стороне.

– Это еще надо обратно вернуться! – пессимистично проговорил Спец, подмечая, что блоха уже перестала копать в углу.

– Не бойсь, все будет тип-топ! – не удержалась блоха от молодежного сленга. – Слушай дальше. Когда дойдешь до дверки, откроешь ее вот этим ключиком... да подойди ты поближе, Андрюшенька.

Спец понуро приблизился к блохе и увидел в самом углу, на разрытой блохой земле, старинный ключ, весь покрытый бурым налетом.

– Серебряный! – не без гордости сообщила блоха. – Этим самым ключиком ту дверку-то и откроешь. Да, чуть не забыла! Хлебака-то не потеряй. Он тебе еще пригодится в казематах-то.

– Да я на сто лет ухожу что ли? – вскричал Спец.

Старуха-блоха невозмутимо продолжила:

– Делай, что говорю! Так вот. Как в комнатку-то войдешь, не пужайся, если увидишь страсти какие. А оглядись вокруг: нет ли поблизости ларца али сундучка какого. Может, старец где и припрятал его. Пошуруй там. И учти, без ларца не при-

ходи. Все одно не получится! – блоха как будто бы усмехнулась.

Тут Петрович уже не выдержал:

– Да что ты о себе возомнила, старая карга?! Я тебя не боюсь! Захочу, пойду за твоим проклятым ларцом, а нет – пошлю и тебя, и ларец, и всю твою деревню к чертовой матери! Только вы меня и видели.

Блоха невозмутимо выслушала и вдруг заговорила, будто смущаясь, голосом Пал Палыча:

– Петрович, да плюнь ты на все! Вертайся взад. Я ей-богу не осерчаю! Ну его, этот треклятый зоопарк. Как-нибудь перезимуем и без него! – и тут же закричала Юркиным голосом: – Ну, что, огузок, сдрейфил? Я так и думал, мечтатель хренов, что слабо тебе!

Юрка называл его огузком только в моменты сильного раздражения или обиды. И хотя друзья, сидя за одной партой с самого первого класса, ссорились нередко, Юрка все же позволял себе применять это малоизвестный термин лишь в самых крайних случаях. Почему его закадычный друг выбрал именно такое, обидное для Спеца прозвище, тот, вероятно, и сам не знал. Это только потом, много позже, Спец, со смехом и удовольствием вспоминая школьные годы, только разводил руками, удивляясь, почему название бедренной части говяжьей туши вызывало у него, маленького, такие неприятные ассоциации.

Но не Юркины подначки умили пыл Спеца, который

никогда не ловился на «слабо», – именно слова Пал Палыча, как ни странно, задели его за живое, вернули прежний задор и решимость во что бы то ни стало довести начатое до конца. Видно, старуха была еще и неплохим психологом.

– То-то же! – удовлетворенно произнесла блоха, без труда уловив позитивную перемену в Петровиче. И, как ни в чем не бывало, продолжила: – А не сможешь ты выйти без ларца потому, что не простой тот ларец. Это он тебя не выпустит, коли не возьмешь его. Планида его такая – отдаться в руки только тому, кого старец назначил.

– Вот те и кочерыжка! – Спец чуть не поперхнулся. – А я-то здесь причем? Каким таким боком?

– Дурень ты все ж таки! – не удержалась блоха. – Неужто до сих пор не скумекал, что только тебе и дозволено за энтим ларцом спуститься. Ладно, расскажу, слушай.

С этими словами блоха почему-то огляделась воровато и начала вещать тоном бабки-сказительницы:

– Давно это было, еще при Ивашке Грозном. Жил в этих краях старец трехсотлетний. Один он был такой, почитай, на всю Русь-матушку... да что там – на Русь! На всю землю грешную. Старец тот прапрадедом доводился моей прабабке. Она тогда махонькая совсем была. Ей он под большим секретом обмолвился о своем знании-откровении про бессмертие не только души, но и тела бренного. За то его и заточили вороги – слуги царицы, что не поведал он им свою тайну колдовскую. И открыть сию тайну повелел лишь своему по-

томку в десятом колене, да и то, если только тот сам явится. Понял теперь, что неспроста ты здесь? На тебе ответственность наша родовая лежит, и ты ей следовать должен!

Оглушенный такой потрясающей новостью и придавленный вековой ответственностью, Петрович посерьезнел и, шмыгнув носом, произнес:

– Ладно, не сердись, бабуся... неужели я не понимаю! Я это, пойду, пожалуй. – Он повернулся к входу в тоннель, но вдруг мысль, его посетившая, заставила вновь развернуться: – Бабушка, а что я пить-то буду? Вдруг и впрямь задержаться придется?

Блоха опять как будто бы усмехнулась:

– А хлебак-то на что? Он тебе и еда, и вода, и мать родна!

Спец достал дедов коробок и осторожно заглянул вовнутрь. Червяк за это время сильно усох в размерах и выглядел еще более несъедобным, чем прежде.

– Да ты не сумлевайся, сродственник, травить тебя али голодом морить мне резону никакого нет! Поверь старой бабке, зато потом спасибо мне скажешь, – блоха ласково, как показалось Петровичу, на него взглянула.

Спец вздохнул, поднял повыше фонарь и шагнул в темноту тоннеля. Немного освоившись в темноте и дождавшись, когда привыкнут глаза, он осторожными шагами направился по узкому проходу.

Все, что его окружало, выглядело весьма безрадостным: и низкий, едва не касающийся головы потолок со свисающими

лохмотьями паутины, и сырые, все в плесени, стены, и каменный, в колдобинах и выщерблинах, пол. Но он, подбодренный сознанием собственной значимости, не особо обращал внимание на такие мелочи.

Душа его пела. Еще бы – кто он был такой до этой поездки? Рядовой член общества. Ну, работа, семья, друзья – вроде все нормально, все как у людей. А тут, поди ж ты, как все повернулось! Жизнь сразу наполнилась каким-то смыслом – знать, не зря он начал топтать эту землю сорок лет тому назад...

Ему вспомнились школьные и студенческие годы, скорая женитьба на красавице однокурснице Анечке и распределение мастером на завод, где он и познакомился, а впоследствии очень сдружился со своим начальником цеха Пал Палычем. Петрович только диву давался, какую головокружительную карьеру сумел сделать его начальник за сравнительно небольшой срок. А ведь тот был немногим старше его самого! Буквально за несколько лет Пал Палыча сначала повысили до главного инженера, а затем, после ухода на пенсию директора их завода, перевели на его место.

Дальше – больше! Никто и не удивился, когда на очередных городских выборах мэра прозвучала кандидатура нового директора завода, сумевшего вывести предприятие на недостижимую прежде высоту.

Выиграв выборы с большим отрывом, новый градоначаль-

ник Пал Палыч первым делом позвал в свой роскошный кабинет своего старого друга, которого никогда не забывал! Так Петрович в одночасье стал заместителем мэра по специальным вопросам. Эта должность впервые появилась в штатном расписании мэрии по личному указанию Пал Палыча.

Как бы там ни было, а Спец дошел до первой развилки. Казавшийся довольно ярким светлячковый фонарь заметно убавил люмены. Или светляки разленились, или запах бабкиного кваса выдохся, но разглядеть что-то уже в трех шагах было почти невозможно. Все же, практически на ощупь, и памятуя про правые повороты, он кое-как прошел еще три или четыре разветвления.

Он так и не сумел понять, сколько всего отходило рукавов от основного русла нескончаемой тоннельной реки. Наконец, изрядно подустав, он вдруг чуть было не расшиб лоб обо что-то твердое на пути. Поднеся светляков поближе и протерев рукавом шершавую поверхность, Петрович с удовлетворением обнаружил то, что и ожидал увидеть. Он стоял перед дверью в неведомое!

Дверь эта представляла собой кованую в заклепках поверхность из непонятного металла, без единого пятнышка ржавчины. Посередине черного, как смоль, полотна торчала кованая ручка замысловатой формы, а под ней висел огромный амбарный замок с такими же заклепками и малюсенькой скважиной для ключа.

– Сбылась мечта идиота! – произнес вслух Спец, цитируя Остапа Бендера, и вздрогнул от звука собственного голоса, глухо раздавшегося в абсолютной тишине лабиринта. Он поднес к бутылки запястье с часами – подарком мэра. Стрелки показывали раннее утро.

«А ведь я даже и спать почему-то не хочу», – подумалось ему.

Поежившись и втянув голову в плечи, дрожащей рукой Спец просунул серебряный ключик во чрево замка и приготовился к усилию для его поворота в замочной скважине. Но ключ провернулся на удивление с легкостью, и дужка замка под собственной тяжестью отпала, оставаясь висеть на кованых петлях. Кое-как сняв тяжеленный замок, Петрович, неумело перекрестившись, с силой уперся обеими руками в железную дверь. С натугой она отворилась.

Спец опасливо шагнул внутрь маленькой темницы. Фонарь со светляками, видимо, решил окончательно подвести его в самый ответственный момент: бутыл в темноте была едва различима.

«Чертова старуха! – с горечью подумал Петрович. – Все-таки подвела меня под монастырь!»

Но почему-то именно эта мысль вдруг развеселила его, снимая накопившуюся тревогу с души и возвращая утерянное, было, присутствие духа. И все его последующие действия уже подчинялись трезвому рассудку.

Окончательно успокоившись, Спец отставил уже беспо-

лезную бутылку и, напрягая глаза в крошечной тьме, стал обходить темницу по периметру, обшаривая стены руками. Он в детстве читал в какой-то книге, что именно так и делал главный герой. И тут же поймал себя на том, что с момента его приключения он слишком часто стал вспоминать детство.

– Ладно, продолжим осмотр, – сказал он вслух сам себе и понял, что так даже лучше – вслух не так страшно!

Он шаг за шагом ощупывал грубые стены в плотном покрывале паутины, не забывая при этом периодически простукивать носком ботинка и нижнюю часть стены. Наконец на уровне груди его рука наткнулась на небольшое неровное углубление в стене, видимо, выдолбленное каким-то не слишком подходящим для этого предметом. У Петровича заколотилось сердце. Вот, похоже, и кончились его мучения. Цель прямо перед ним! Он глубоко вздохнул, прижался спиной к стене и сполз на земляной, почему-то совсем не холодный пол. Затем закрыл глаза и незаметно для себя крепко заснул.

Проснулся Спец в панике: во сне за ним гнался дед Щукарь и пытался накормить горстью шевелящихся жирных червей. Он открыл глаза и долго не мог понять, почему он ничего не видит. Наконец, вспомнив, что с ним приключилось, он почувствовал сильнейшую жажду. Машинально он пошарил в карманах, и его рука наткнулась на спичечный коробок с хлебаком внутри. Тотчас же в памяти всплыли слова

старухи-блохи о «матери родной». Хмыкнув, Петрович даже порадовался, что не видит содержимого коробка. Делать нечего. Он осторожно достал неподвижного червя, оторвал маленький кусочек, положил его на язык, преодолевая отвращение, и стал прислушиваться к своим ощущениям.

Удивительно, но он почувствовал, что кусочек, словно масло или шоколад, стал медленно таять на языке, наполняя рот живительной влагой. И это ощущение было настолько яркое, что Спец невольно рассмеялся. С чувством жажды пропало и чувство голода. Это было восхитительно и непостижимо!

«Ай да бабка!..» – на ум тотчас пришло продолжение фразы от Пушкина, вполне здесь уместное.

Глава 3

Утром, придя на работу, мэр первым делом поинтересовался у секретарши: не приходил ли начальник охраны.

– Нет, его еще не было, – ответствовала та, – но он звонил откуда-то из пригорода и просил передать, что скоро будет с очень важными известиями.

Мэр помолчал:

– Как только появится, немедленно ко мне!

Через час перед мэром стоял начальник охраны в сопровождении пожилой женщины с простым и добрым лицом.

– Знакомьтесь, это Мария Константиновна! – Охранник

был явно собой доволен. – Она вам расскажет кое-что очень интересное.

Мария Константиновна, краснея и сбиваясь, поведала мэру действительно удивительную историю о том, как Андрей Петрович – ее сосед по даче – неделю назад звонил своей жене и рассказал, что поехал в деревню к своей дальней родственнице, то ли колдунье, то ли ведунье. И что Аня, его жена, сильно плакала, узнав об этом. Любопытная соседка, в отличие от тучного охранника, сумела выпытать причину ее слез.

Дело в том, что той деревни вот уже лет тридцать как не существует! После строительства дамбы в том районе всю местность затопило, и все немногочисленное население прилежащих деревень оттуда давным-давно перебралось в соседние районы. Все это она узнала от родной тетки ее мужа, уехавшей из тех мест вместе с семьей несколько лет тому назад и остановившейся у них в его отсутствие, – сам он был в то время в командировке. Погостив пару дней, родственница поехала дальше, а Аня забыла в суматохе рассказать мужу об этом визите. А недавно он спешно уехал, оставив жене записку, что отправляется ненадолго по делам. Но каково же было ее удивление, когда Андрей позвонил с дороги и сообщил, что едет к той самой колдунье. А Аня из-за плохой связи опять не смогла предупредить мужа о том, что деревни давно нет, и теперь сильно беспокоится, тем более что с тех пор звонков от него так не было.

Мэр вздохнул и рассеянно посмотрел на охранника, стоявшего с видом человека, выполнившего свой долг до конца.

– Что будем делать дальше? – спросил у него Пал Палыч.

– Может быть, запросить тамошние власти? – пожал плечами охранник.

Мэр кивнул и вызвал секретаршу...

Ответ не заставил долго себя ждать. Пал Палыч, морща лоб и яростно теребя ухо, читал листок, переданный по факсу: «...на Ваш запрос сообщаем, что в настоящее время в указанном Вами месте означенный населенный пункт не значится...» Мэр отбросил факс. Значит, все правильно, но куда же тогда поехал Петрович? Все вопросы так и остались без ответов. Ну, что ж, подобное надо лечить подобным!

– Лидочка! – снова позвал он секретаршу. – А скажи-ка мне, Лидочка, нет ли у тебя на примете какой-нибудь колдуньи или экстрасенса, на худой конец? Я слышал, ты этим интересуешься?

– А зачем вам, Пал Палыч? Ой, простите, пожалуйста! – она прикрыла рот ладошкой.

– Значит, надо! – неожиданно жестко ответил всегда вежливый мэр. Лидочка задумалась.

– Да, есть один мужичок. Очень сильный медиум. Он еще называет себя черным магом.

– Ну, пусть хоть и магом. Пригласи-ка его ко мне, – попросил мэр и добавил: – Сегодня!

Когда перед Пал Палычем возник странный тип в лос-

нящемся костюме и старомодном широком галстуке, он поначалу даже не поверил, что этот человек, внешне напоминавший Чехова со своей бородкой клинышком и круглыми очечками, действительно черный маг. Тот, устало улыбаясь и глядя прямо в глаза мэру, вдруг участливо произнес:

– Не трудитесь, я в курсе того, зачем вы меня пригласили. Мне нужна фотография вашего пропавшего сотрудника.

– Лидочка, – нажал мэр на кнопку селектора, – принеси личное дело Андрея Петровича.

Маг долго колдовал над фото Спеца, потом глубоко вздохнул и уверенно произнес:

– Я могу сказать, что чувствую, но, боюсь, вы меня не поймете. Это вообще не поддается логическому объяснению...

– Да о чем вы? – вскричал мэр.

– Ваш Андрей Петрович именно там, куда и собирался отправиться – в глухой деревне! Вернее, он там и не там! – И в ответ на промелькнувшее в глазах мэра изумление, усмехнувшись, произнес: – Я же говорил, что не поймете!

Мэр нахмурился. Еще никто так откровенно не смеялся над ним.

– Что вы хотите этим сказать?

– Только то, что сказал! Понимаете, – маг замялся, – это произошло в другой реальности! В параллельном мире, – другими словами. Для него все существует в действительности, в том числе и деревня, которой уже нет в нашем измерении. Это как из одной комнаты попасть в другую – неви-

димую, через потайную дверь, понимаете? – маг говорил все это мэру на полном серьезе, но, в то же время, как с маленьким, явно щадя его психику.

Мэр задумчиво посмотрел в окно:

– Вы в этом уверены?

– Абсолютно!

– Что же теперь делать?

– Ничего!

– Но он хотя бы жив?

– Да!

– Он вернется?

Тут уже задумался маг:

– Я не Господь Бог – не знаю! – честно признался он.

Тем временем в городке все газеты писали о будущем зоопарке. И надо же, каким-то непостижим образом журналисты пронюхали, что зоопарк будет необычным. Кроме этой многообещающей и малопонятной информации жители ничего не узнали. Но и это уже было бомбой! Об этом судачили на всех кухнях и перекрестках. Какие только домыслы и версии ни звучали! Журналисты с удовольствием подхватывали эти слухи, которым сами же и дали ход. Дальше – больше! Одним городским энтузиастом-общественником через газету был даже объявлен конкурс на самое смелое предположение. Возникли даже идеи о каких-то морских чудовищах.

Как всегда бывает, в последнюю очередь об этих слухах

узнал сам мэра. Он негодовал! Вызвав главного редактора местной газеты, распек его в пух и прах! Тот только руками разводил. Но дело было уже сделано. Отступить поздно, а от Петровича до сих пор никаких вестей не было. Успокаивало только то, что, по мнению мага, который своей спокойной уверенностью произвел на мэра сильнейшее впечатление, его зам жив.

«Ну, что ж, если не получится, как задумывал, поселю хотя бы обычных зверей», – решил он. В общем, Пал Палыч был расстроен. Но в душе у него все-таки жила надежда, что Спец вернется, и не с пустыми руками...

* * *

Не случайно говорят, что на сытый желудок и думается легче. Петровичу пришла на ум одна очень интересная мысль. Он нащупал в темноте бутылку, отколупнул малюсенький кусочек хлеба, просунул его в узкое горлышко и стал ждать. И – о чудо! Постепенно наливаясь тускловатым светом, бутылка опять превратилась в шедевр инженерной мысли, высветив небольшое пространство вокруг Спеца. Подняв импровизированный фонарь повыше, он осмотрелся, но кроме унылых, в густой паутине стен ничего не обнаружил. Но, тотчас вспомнив о вчерашнем открытии, повеселел. Ниша!

Спец перерыл ее всю вдоль и поперек, но, кроме паутины

и мягкой пыли, в неглубокой нише ничего не было! Он был убит! Все надежды на скорое возвращение рухнули в одно мгновение. У него закружилась голова, и пересохло во рту. Но первая неудача только придала ему решимости.

Петрович, теперь уже вооруженный фонарем, продолжил обход своих владений. И первой находкой стали останки его далекого пращура. В дальнем от двери углу под толстым слоем паутины белели кости с черепом. Больше в малюсенькой, примерно два на два метра камерке ничего не было. В отчаянии Спец принялся обстукивать стены, но тщетно – с таким же успехом мышь может скрести бетонный пол своими маленькими коготками! И тут его снова осенило! Пол, именно пол!

Он еще раз обошел каморку, теперь уже освещая только земляную поверхность и попутно очищая ее ногами от многовекового праха. Но тут возникла новая проблема: чем копать, ведь впопыхах он не подумал даже об элементарном инструменте. И старуха хороша! Не могла подсказать. Что делать? Вернуться и прихватить хоть что-то невозможно – не отпустит проклятый сундук... если, конечно, старуха не врет. Он опустился на пол и, скорее от безнадежности, похлопал себя по карманам – кроме всякой мелочи и бесполезной теперь мобилы ничего не было. А что, если... Спец достал телефон. Это была одна из последних моделей Nokia. Снял заднюю крышку и осмотрел ее. Да, как он и ожидал, она была хоть и довольно тонка, но из металла! Ну, что ж,

на безрыбье...

Кое-как сделав из крышки некое подобие совка, Спец носком ботинка расчертил все четыре квадрата площади на сектора и приступил к работе...

...Спец копал и копал, как заведенный, если так можно назвать усердное ковыряние плотного грунта крышкой мобильного телефона. Он забыл о времени, голова его была пуста, как барабан, в котором болталась только одна мысль: «Надо!»

Наконец он выдохся: была разрыта примерно половина площади, но все безрезультатно! Он снова привалился к стене и задумался. Попытался поставить себя на место старца. С одной стороны: нужно, чтобы никто чужой не нашел клад, а с другой, наоборот: свой обязательно должен отыскать! Петрович еще раз тщательно осмотрел грубо обтесанные, потемневшие от времени стены, но ничего, заслуживающего внимания, не обнаружил. Тогда он снова подошел к нише.

Для чего она была нужна? Возможно, там хранились продукты для старца или какие-нибудь предметы быта... Хотя, какие там предметы для человека, заточенного заживо? А ведь это место просто идеально для того, чтобы оставить там подсказку. Во всяком случае, он бы так и сделал... правда, как разглядеть дно ниши? Голова туда точно не пролезет! Вот бы сюда зеркальце... и Спец впервые пожалел, что он не женщина. Эврика! Петрович поднял присыпанный землей совок-крышку. Внутренняя сторона ее была глянцевой.

Вполне сойдет за зеркало. Свет тоже есть. Вперед! Воодушевленный новой идеей, он принялся тщательно очищать поверхность ниши. Наконец, все было готово. Вооружившись крышкой-зеркалом и подсвечивая фонарем, Спец принялся миллиметр за миллиметром исследовать поверхность ниши.

От сильнейшего напряжения у него слезились глаза и дрожали руки, и с каждым миллиметром обследованной площади его покидали и силы, и надежда. Прошла, наверное, целая вечность, когда ему показалось, что он что-то разглядел. Не веря своим глазам, тщательно проверил. Сомнений не было: на неровной поверхности он явственно различил нацарапанный контур какого-то предмета, напоминающего листок растения. И этот листок замысловатой формы – он готов был поклясться – как две капли воды походил на те, что раскуривала бабка!

«Йес!» – Петрович победоносно поднял кулак. Подсказка найдена – в этом он уже не сомневался. Но надо было ее еще разгадать. Соблюдая предельную точность, он воспроизвел рисунок на разровненном полу каземата. Листок имел вид удлинненного сердечка или, скорее, наконечника древнего копья, острый конец которого указывал прямо на противоположный от останков угол, еще не разрытый крышкой мобилы. Он не спеша подошел к углу и уже без фанатизма, осторожно, будто собирая улики, принялся скрести землю своим универсальным инструментом.

Очистив от земли стену в самом углу, он обнаружил на ней точно такой же рисунок, нацарапанный на глубине примерно десять сантиметров от поверхности земли. На этот раз листок был изображен вертикально, а острие было направлено вверх. Больше никаких сообщений старец не оставил. Спец задрал голову. Высота была около трех метров.

– И как же я туда заберусь? – не без сарказма спросил он у останков старца. Останки молчали.

– Думай, потомок, думай! – приказал он сам себе. Ведь не было же у старика лестницы, в самом-то деле! А он туда как-то забирался. Петрович вновь стал царапать своим, теперь уже незаменимым инструментом, стену прямо над стрелкой. То, на что он втайне надеялся, не заставило себя долго ждать. Одно из неприметных углублений в стене вдруг стало осыпаться. Воодушевленный, он довольно скоро откопал первую ступеньку, представляющую собой узкую и довольно глубокую, как раз под ступню, нишу. Дальнейшее было делом техники. Последнюю, самую верхнюю, девятую ступеньку Спец, обсыпанный песком с головы до ног, расковыривал практически на ощупь, поскольку свет фонаря уже не доставал до нее.

«А ведь надо еще там, наверху, искать Бог знает что!» – Петрович уже почти ненавидел своего предка, заставившего так мучиться своего потомка. Ну что ему стоило аккуратненько закопать клад в земле! Но тут же понял, что, будь он сам на месте старца, никогда бы так не сделал.

Спец включил мобилу, и она засветилась на некоторое время вполне приемлемым в этих условиях желтым светом. Хорошо, что он вовремя отключил телефон за ненадобностью, ведь в этом, Богом забытом месте, отсутствовали даже намеки на какую-либо связь.

Зажав в зубах телефон, еще сохранивший заряд батареек, Петрович, как альпинист, поднялся по отвесной стене и принялся изучать ее. Он уже и не удивился, когда на стене под самым потолком увидел еле различимое знакомое изображение. Но на сей раз листок имел другой вид – продолговатая форма осталась прежней, а острия не было вовсе. Это могло означать только одно: клад был под листком!

Спец осторожно обозначил нишу под изображением, без труда нащупав ее контуры. Ниша была гораздо меньше, чем ступеньки. Разрывая крышкой слежавшийся за века песок, он, наконец, почувствовал, как она вдруг уперлась во что-то инородное.

Клад, а это был он, представлял собой, вопреки ожиданиям Петровича, позеленевшую от времени, запаянную с двух сторон медную капсулу сантиметра два в диаметре.

«Вот так сундук! – Спец, глянув в сторону останков, сунул капсулу в карман. Скорее всего, хитроумный старец вначале прятал капсулу в своем посохе, о котором упоминала старуха, когда описывала своего предка. А когда старика заточили, он просто перепрятал капсулу в более надежное место. – Ну, да ладно. Мавр сделал свое дело, мавр должен уходить!»

Петрович посмотрел на часы и ахнул. Они показывали 23.00. Неужели он провозился почти сутки? Спец прислушался к себе.

Удивительный червяк дал ему потрясающую возможность: работая, как каторжный, без еды и питья, он не чувствовал практически никакой физической усталости. Подняв повыше неиссякаемый, опять-таки за счет хлебака, фонарь, Петрович в последний раз оглядел унылые стены каземата.

– Прощай, мой бедный пращур, я выполнил твою волю! – он искренне поклонился костям, и ему вдруг почудилось, что из угла с останками прошелестел вздох облегчения. – Прости, если что не так. Видит Бог, я старался!

Он развернулся и вышел в открытую дверь...

Обратный путь Спец проделал, будто в полусне, автоматически фиксируя все левые повороты. Он думал только об одном: что же может находиться в капсуле? Какой-нибудь порошок, или газ, или, может быть, письмена? Как бы там ни было, теперь он – полноправный ее владелец! И еще он был горд собой! Шутка ли – разрешил головоломку, совсем как в детских книжках про пиратов и сокровища.

Мысли его плавно перенеслись к бабке. Анализируя все, что с ним произошло, он понял, что бабка специально все подстроила так, чтобы он не смог разобраться в пейджере. А кто бы разобрался, если перед тобой стоит такой отвлекающий от сути происходящего объект, как эта красотка с том-

ным чарующим голосом, сыплющая непонятными терминами. Вот он сам же и попросил старуху о помощи. А она, как бы нехотя, согласилась. Ай да бабка!

Незаметно для себя Спец вышел в залу, где он расстался с блохой. Светлячки на сводах заметно потускнели, или ему это показалось? Но невооруженным глазом было видно, что блохи здесь нет! А самое главное – проход был закрыт!!!

«Я замурован?!» – Он не мог в это поверить.

Петрович сел на пол и обхватил голову руками. Тотчас же на него навалились неимоверная усталость и тоска. Кричать, звать на помощь – бесполезно, да никто его за этими стенами и не услышит. Он вспомнил про ключ, который остался торчать в замочной скважине отброшенного им замка. Может быть, и здесь есть какая-то дверь?

Он снова встал и начал медленно обходить стены. Подошел к тому месту, где был проем, но ничего, даже самой маленькой щели, не обнаружил.

Спец тщетно пытался найти хоть какой-то выход из создавшегося положения. Более глупой ситуации и представить себе было невозможно. Он не мог понять, почему его не дождалась старуха-блоха и почему, а главное – как закрылся проход без его вмешательства. Ответов не было, зато при нем оставался хлебак – палочка-выручалочка!

Это была хорошая мысль. Он положил в рот еще один крохотный кусочек, привалился к стене и закрыл глаза.

С ощущением полной сытости пришло и ощущение спо-

койной уверенности в том, что все будет хорошо. Он зачем-то посмотрел на часы, хотя особого смысла в этом не было. Здесь, в полутьме сводчатой залы, наполненной тишиной, время будто бы остановилось.

Но что это? Ему почудилось, что он услышал неясный гул. Спец прислушался. Нет, кажется, показалось! Он даже подошел к бывшему проему и зачем-то приложил ухо к стене, полагая, что звук мог идти снаружи. И тут Петрович действительно отчетливо услышал гул, но исходил он не снаружи, а изнутри, точнее, откуда-то снизу. И в это время раздался уже вполне ощутимый рокот, сопровождаемый вибрацией и звуком падающих камней. Пол в пещере явно дрогнул, а со сводов посыпалась мелкая, искрящаяся светляками пыль. Это было очень похоже на землетрясение!

Снизу под ногами явно что-то происходило! Из черного тоннеля то и дело раздавался грохот падающих булыжников. Спецу показалось, что ему стало нечем дышать. Прежде проблем с нехваткой воздуха не наблюдалось. Естественная вентиляция, даже в замурованной пещере, непостижимым образом все-таки присутствовала – видимо, были выходы из пещеры на поверхность. Но сейчас признаки удушья были налицо, кроме того, явственно ощущался запах сероводорода – признак действующего вулкана.

«Только этого мне еще не хватало!» – Спец, в ужасе прижав полу рубашки к лицу и отступая к дальнему углу, увидел, как из тоннеля показалось густое черное облако пыли

или газа. В это время раздался ужасающий грохот, в лицо дохнуло горячим воздухом, и неведомая сила отшвырнула его к стене. Со всего размаху он ударился затылком обо что-то твердое и, падая, прежде чем потерять сознание, успел подумать, что теперь ему хотя бы понятно, почему пол в каземате был до странности теплым...

Глава 4

Спец очнулся от того, что кто-то его хлестал по щекам. Он открыл глаза, глубоко вздохнул и закашлялся. Сильно болел затылок. Над ним склонилась сморщенная физиономия старухи, а рядом, опираясь на палку, смолил сигарку Щукарь-Саввич.

– Эк тебя шандарахнуло, Андриюшенька! – Старуха заботливо выбирала из волос Петровича какой-то мусор. Он сел и огляделся. Вокруг валялись огромные куски бывшей горы, еще дымилась полуразрушенная вершина, а рыжий кустарник от песка и пыли сделался серым.

– Это было извержение или землетрясение? – спросил Спец.

– А кто ж его знает, паря! – подал голос Саввич. – В этих краях такого отродясь не бывало. Еще мой дед...

– Ладно, хватит брехать! – оборвала разговорчивого деда старуха. – Не видишь, человеку отдохнуть надоть. Может, он чудом от смерти лютой спасся! – и, обращаясь к Спецу, про-

должила: – Мы с Саввичем тебя, касатик, еле углядели, когда стенка-то трещину дала, и часть ее обвалилась. Видим: лежишь, болезный, весь в пыли и прахе, ножки-рученьки раскинул. С-под завалу еле выволочь тебя горемычного успели, когда началась энта заваруха! Сами едва ноги унесли! Знаю, знаю, касатик, что спросить меня хочешь. Все тебе поведаю, как на духу, дай только срок!

Накопилось у Спеца к старухе вопросов, накопилось! Наконец, когда бабка привела его в избушку, накормила и напоила, она поведала ему о том, что никак, по ее уверениям, не могла рассказать до его путешествия за кладом. Иначе бы «сродственник» просто не согласился.

А не рассказала она ему самую малость: Спец должен был испытать свою судьбу, ни много ни мало! Такова была воля старца! Когда Петрович ушел в тоннель, проклятый проход тут же стал закрываться, и блоха сама едва успела оттуда выпрыгнуть. Хотя она и была колдуньей, чары старца ей были не по зубам. Оставалось смириться и ждать, насколько удачливым и счастливым будет потомок в десятом колене!

Она предполагала, что из горы должен быть как минимум еще один выход, но где он находится и сможет ли сам Петрович им воспользоваться – старуха не знала. Она также понимала, что он может вообще не вернуться! Кто знает, какие еще испытания подготовил ему древний колдун. На всякий случай она, снова приняв свой прежний вид, пригласила Саввича, и они продежурили целые сутки у подножия горы.

Дальше Петрович все уже знал.

– А теперь, касатик, твоя очередь, – нетерпеливо проговорила старуха. – Ну, нашел ларец-то али обронил в руинах? – бабка перестала дышать.

– Нашел, бабушка, нашел! – и Спец вытащил капсулу.

На старуху было страшно смотреть: так исказилась ее и без того уродливая физиономия. Трясущимися руками она проворно схватила ее и стала вертеть так и сяк, пытаюсь понять, как она открывается.

– Неужто это и есть наш родовой секрет? Надоть его Саввичу показать. Он мастак на разные технические премудрости. Как думаешь, касатик?

После недолгих мучений капсула с помощью Саввича была с большой осторожностью вскрыта. Они втроем сидели за бабкиным столом. Спец и Саввич, который, как выяснилось, был племянником старухи, с нетерпением ожидали ее приговора. А она, шевеля губами, читала свернутый в трубочку древний пожелтевший пергамент, испещренный непонятными знаками. Наконец, старуха оторвала затуманенный взгляд от пергамента, встала из-за стола и молча вышла из горницы.

Спец вопросительно посмотрел на Саввича, тот только плечами пожал. Через некоторое время открылась скрипучая дверь, и в горницу с охапкой каких-то трав деловито вошла старуха. Она бросила охапку рядом с печкой, и воздух сразу же наполнился дурманящим, терпким, почти полынным ароматом.

– Что это ты, матушка, полынь-то притащила?

Старуха, не обращая внимания на вопрос Саввича, уверенно подошла к кадке и принялась сосредоточенно копошиться у мощного корневища. Петрович, обращаясь к Щукарю, вполголоса произнес:

– Не иначе, будет варить зелье по рецепту старца! – и, подмигнув старухиному племяннику, продолжил: – Скоро и ты станешь бессмертным!

Саввич только вздохнул и, с видом заговорщика поманив за собой Петровича, вышел из избы. Спец поспешил за ним. Во дворе Саввич, сворачивая неизменную сигарку и щурясь, произнес:

– Ты, мил человек, говори, да не заговаривайся! То – великая тайна! И знать ее не положено никому! Даже мне! Ты думаешь, почему мы с Лукерьей здесь одни живем? И в округе, почитай, верст на сто никого нету? Не знаешь?!

Он немного помолчал:

– Так и быть, расскажу, хоть Лушка и не велела. Теперь уж все одно! – он обреченно махнул рукой, выплюнул сигарку и поправил свой треух. – Случилось это, – начал свой рассказ Саввич, – лет тридцать назад. Деревенька наша в ту пору была хоть и небольшая, но справная. Дворов, почитай, штук сорок. Скотина, сады да огороды – все как полагается. И вот как-то собрал нас Тимофей Кузьмич – это наша шишка местная, районная, в общем – и говорит: «Вы, мол, сельчане, собирайте свои манатки да и дуйте отсель куда подальше! Бу-

дет здесь строиться гидротехническое сооружение. Так, мол, решили там, наверху, и вас, дураков, не спросили! Короче, зальет здесь всю округу и будет вместо вашей чахлой деревушки море разливанное – водохранилище, то есть! Выделют вам подъемные, даже помогут вещички да живность перевезти, а кто не захочет – силой, мол, увезем! Даем десять дней на сборы!» Делать нечего, стали потихоньку все вокруг собираться, а наша Лукерья – дай ей Бог здоровья – ни в какую! Не поеду, и все! Здесь, мол, все мои предки похоронены, и я останусь! Я тогда, ясное дело, моложе был. Правда, уже не жил со своей Матреной, слава Богу, и – напрямик к Лукерье.

«Тетка Лукерья, что творишь? Ни тебя, ни меня не спросят – увезут силком и все тут!»

А тут Луша мне и говорит: «Ты, племяш, меня держись! Ничего не бойся, а завтра приходи до свету ко мне, я тебе, как родичу кровному, кой-чего поведаю!»

И рассказала, что тайна у нас есть! Нельзя, мол, нам никак отсель уходить, иначе сгинет все, что завещано предком нашим – колдуном великим, который покоится в горке за рекой и следит за нами из своего подземелья.

Собрали мы пожитки нехитрые, да и ушли в пещерку, что в горушке была. На следующий день Луша меня привела обратно, а уж никого и нет! Совсем никого – ни людей, ни живности, ни дворов, ничего, окромя двух наших избенок!

У меня глаза на лоб полезли! Как так? Избы-то где? Ведь

не увезли же, в самом деле, сельчане их с собой! А тут даже следа от них нет, как будто и не было никогда, даже травка не примята! Один только колодец и стоит, что я когда-то по молодости смастерил. Упал я тогда на колени, чую, разумом сейчас тронусь, а Лукерья мне и говорит:

«То чудо – от старца идет, он – наш ангел-хранитель, а оставил он нас, чтобы мы волю его исполнили!»

Больше она мне ничего не сказала. Сообщила только, что ждет человека одного, который поможет ей в этом. А мне наказала, чтобы я каждый божий день обходил берег и, увидев того человека, был готов помочь ему во всем, что ни попросит! – Шукарь помолчал в раздумье. – Вот и дождались! Да только, я кумекаю, кончилась наша спокойная житуха... что-то будет!

– Эй, соколики! – наконец донеслось из горницы. Когда родственники вошли в избу, они ахнули – их встречала знакомая Спецу красавица, но уже с длинной русой косой, в русском, расшитом бисером сарафане и в кокошнике (старуха была в своем репертуаре)!

В руках красавица держала поднос. На нем, вместо полагающихся для встречи дорогих гостей хлеба-соли, стояла глиняная чашка, исходящая паром, а запах бы такой, что – м-м-м! – словами не передать! Девушка церемонно поклонилась, и Петрович с Саввичем невольно ответили тем же.

– Присаживайтесь к столу, мои дорогие родственники, –

пригласила красавица. – Я хочу, – проговорила она более торжественным тоном, – уведомить вас, что чудо, наконец, свершилось! Чудодейственный состав, завещанный нам нашим общим предком, получен! Я очень долго ждала этого и даже ради важности момента предстала перед вами в этом обличье. Но главное, что мы втроем на пороге величайшего события мирового значения, – девица стала вдруг говорить как-то выпендренно. – Мы – единственные в мире – можем испытать блаженство вечной жизни!

Она прикрыла глаза и вдруг продолжила резко:

– Но это накладывает на нас и громадную ответственность! Прежде всего, это неразглашение нашей тайны, даже самые близкие ничего не должны знать! – при этом она выразительно посмотрела на Спеца. – Нам не следует отличаться в поведении от остальных людей, которые будут стареть и умирать, но о нашей тайне они даже догадываться не должны! Иначе это может стоить жизни и нам, и тому, кто узнает эту тайну! – она сделала паузу. – Здесь сказано, – она кивнула на свиток, – «Да умрет тот, кто предаст огласке тайну сию, и умрет тот, кто постигнет ее от предателя!»

Спец живо представил картину: умирающая древняя старуха – его жена – протягивает к нему, по-прежнему сорокалетнему, руки и, шамкая беззубым ртом, хрипит только одно слово: «Почему?». Его передернуло. Он решительно встал и открыл уже, было, рот, чтобы выразить свое негативное к этому отношение, как девица, опередив его, мягко произ-

несла:

– Не надо слов, я и так все понимаю. На это очень трудно решиться. Но не торопись! Подумай, сколько прекрасных дел ты бы мог совершить, сколько построить домов, скольких сыновей ты бы мог вырастить и посадить аж целый лес деревьев! И все это – благодаря нашему великому предку! – Она низко в пол поклонилась свитку на столе.

Спец задумался. В словах девицы был смысл. А что, может, и вправду попробовать? А если не понравится, то...

– Я вот хочу спросить... – начал он, но умеющая читать мысли девица его опять перебила:

– Нет! Назад дороги не будет! Или сейчас или никогда! Или вечность, или небытие! – она помолчала. – Есть, правда, еще и третий вариант, о котором я уже упомянула, – пожертвовать не только собой!..

Глава 5

Спец понемногу приходил в себя, рассеянно разглядывая из окна поезда, увозящего его домой, заброшенные поля и деревья в пышном осеннем убранстве, проплывающие мимо. Они напомнили ему все, что приключилось с ним в деревушке в последние часы перед расставанием с вновь обретенными и теперь уже наверняка потерянными навсегда для него родственниками.

Он вспомнил старуху в образе красавицы, которая потра-

тила уйму времени, терпеливо объясняя ему все возможности чудесного пейджера. Она даже снабдила его небольшой брошюркой-инструкцией по пользованию удивительным прибором, который, как выяснилось, умел даже репродуцировать живой организм! Петрович тогда еще посмеялся над этим – чего-чего, а эта функция уж явно была перебором!

Вспомнил он и унылого ее племянника Саввича, и подаренный им мешочек с засушенными хлебаками, и дымящееся и благоухающее Зелье бессмертия, а главное – свое, наверное, самое важное решение, когда-либо принятое им в жизни.

Да, он отказался стать бессмертным, как бы фантастически это не звучало! Отказался от того, о чем веками мечтало человечество и сочиняли фантасты всех времен и народов, понимая, что физическое бессмертие невозможно, а вечна – лишь душа, как вечно стремление человека к недоступному и непостижимому, к чему он, Петрович, вопреки логике и здравому смыслу, прикоснулся вплотную! Он был буквально в шаге от этого самого бессмертия и мог стать чуть ли не самим Агасфером!

Но он не захотел уподобляться легендарному персонажу, обреченному по преданию на вечные странствия по земле до второго пришествия Христа. Он отказался от всего этого ради своей семьи, ради Юрки, ради Пал Палыча – ради той жизни, что его окружала, со всеми ее радостями и горестями.

Он ни о чем не жалел!

Зато с собой он вез древесный Преобразователь. И, хотя с его помощью Петрович мог мгновенно переместиться куда угодно, он все же решил поехать домой обычным способом, чтобы еще раз спокойно поразмыслить о своей новой жизни под стук вагонных колес, да не испугать внезапным своим появлением простых смертных.

Он понимал, что теперь он пусть и такой же смертный, но все же не совсем обычный человек! Теперь он сможет превращаться в животных! Сможет с ними разговаривать! Сможет перемещаться в пространстве! Черт возьми, да он – настоящий счастливец!

...Когда Петрович предстал перед ясными глазами мэра, на него обрушился град обвинений. Он тщетно пытался вставить хоть слово в свое оправдание. Наконец, выдохшийся Пал Палыч, тяжело дыша и исподлобья глядя на зама, замолк, нервно доставая сигарету.

– Пал Палыч, дорогой, ну ничего же не случилось! Все хорошо! Все живы-здоровы! Даже более того, я чуть было не стал... – тут Спец вовремя прикусил язык. – В общем, все кончилось замечательно. Но всего я тебе рассказать не могу. Не моя это тайна! Да и не поймешь ты!

– Вот опять! – мэр всплеснул руками. – Я это уже слышал и, представь себе, все понял! Не дурак, поди. Знаю, что ты был в несуществующей деревне. Все знаю, только объясни

мне: как ты мог туда попасть, если ее физически нет!

Петрович и сам был несказанно удивлен, когда, возвратившись, узнал об этом потрясающем факте от жены. Он еще подумал тогда, что, видно, не случайно его еще в поезде посетила мысль о том, что с новыми родственниками он уже никогда не встретится.

– А это видел? – Спец достал пейджер. – Это как раз оттуда! И потом, я и сам все до конца не понимаю!

Мэр покрутил в руках странную вещьцу прямоугольной формы, похожую на птичье гнездо, с зеленым глянцевым экраном с прожилками, как у обыкновенного древесного листа и кнопками, напоминающими нераспустившиеся почки, только круглые.

– А это что за хреновина такая? – в минуты волнения мэр не выбирал выражений.

– А вот я тебе кое-что сейчас покажу! – Спец с заговорщицким видом, вспомнив все, чему его обучила благодарная красавица, стал тыкать в почки-кнопки и напряженно всматриваться в бледные изображения на зеленом дисплее.

– Скажи, Палыч, тебе какое животное больше всего нравится?

– Слон! – не задумываясь, ответил мэр.

– Нет, слон, пожалуй, слишком! А поменьше? Из домашних, например.

– Ну, может, кошка... нет, лучше кот! У меня, знаешь, в свое время...

Мэр не договорил. У него отвисла челюсть и подкосились ноги: там, где только что сидел его заместитель, внезапно появился огромный черный кот, на шее которого болталось на веревочке прямоугольное гнездо со светящимся экраном. Он, как ни в чем не бывало, умывал лапками усатую морду и лукаво поглядывал на мэра. Закончив умываться, котяра потянулся, изогнув спину, и вдруг прыгнул на стол.

– Брысь! – только и смог вымолвить Пал Палыч.

Кот фыркнул, как бы выражая свое недовольство, и вдруг, подцепив коготками ниточку от прямоугольной штуковины, потянул ее в направлении мэра. В это время резко звякнул зуммер селектора, и оттуда раздался бодрый голос секретарши:

– Пал Палыч, к вам начальник охраны. Пропустить?

Мэр помедлил, затем, заговорщицки подмигнув коту, выдохнул:

– Зови!

Он встал из-за стола, стараясь прикрыть собой пушистое животное. Вошел охранник, отдуваясь и тяжело дыша, и прямо с порога забасил:

– Пал Палыч, по агентурным данным Андрей Петрович объявился на даче. Мне Мария Константиновна звонила!

В это время за спиной мэра послышался шорох и громкое кошачье шипенье.

Начальник охраны вопросительно взглянул на мэра и осведомился:

– Вы никак кошку завели, Пал Палыч? – он внимательно оглядел кабинет.

Мэр лукаво улыбнулся, игнорируя вопрос:

– Запоздала твоя агентура! Он сам пришел – собственной усатой и пушистой персоной! – с этими словами он отошел от стола и широким жестом фокусника указал на стол. Но... на столе, кроме обычного рабочего беспорядка, ничего не было.

Охранник недоуменно и подозрительно посмотрел на мэра, пытаясь понять мотивы его странного поведения:

– Кто?

Мэр уже оправился от удивления и, шаря глазами по огромному кабинету, поспешно сказал:

– Кто-кто? Дед Пихто! Пошутил я. Ступай с Богом, спасибо за информацию.

Когда охранник вышел, мэр покачал головой и сказал как можно более ласково:

– Ну, давай, котик, вылезай!

И «котик» не заставил себя ждать. Он вылез из-под стола и тяжело вспрыгнул на стол. На шее у него по-прежнему болталось «гнездо». Мэр с опаской подошел к черному красавцу, осторожно погладил его, еще более осторожно снял прибор с шеи кота и положил его перед ним.

– Мяу! – благодарно сказал кот и нажал острым изогнутым когтем на одну из трех кнопок на приборе.

То, что это – некий прибор, мэр уже понял, как понял и

то, что именно с его помощью произошло это потрясающее превращение. Не успела эта мысль покинуть мэра, как перед ним снова сидел и улыбался его друг и заместитель.

– Ну, как?! – довольный произведенным эффектом, Спец заботливо выключил пейджер.

– Потрясающе! – только и произнес мэр, догадываясь, почему его друг не захотел показаться на глаза начальнику охраны в таком виде.

– То ли еще будет! – и Спец рассказал мэру, как, по его мнению, можно осуществить его грандиозный замысел. Закончив излагать план действий, он добавил: – Только это должно быть между нами. Никто об этом знать не должен! Иначе сорвется все! – И еще раз многозначительно повторил: – Ни единая душа!

На другой день Спец оформил командировку на три месяца. Дома он сказал своим, что опять уезжает, и на этот раз за границу. Дочери пообещал привезти заморские подарки. И тут жена стала с обидой ему выговаривать:

– Если бы ты знал, как надоели мне твои бесконечные командировки! Я уже измучилась без мужских рук. Ну что, мне соседа опять просить починить забор? А мыши! Ты, например, знаешь, сколько мышей у нас развелось – по ночам бегают на кухне. Я уже боюсь, что какая-нибудь заберется в постель к дочери.

Спец рассеянно слушал ее жалобы.

– Мышеловка не помогает, – продолжала жена, – эти хитрецы тащат все, кроме приманки!

Спец встрепенулся:

– Мыши, говоришь! А это мысль! Как раз и попробую...

– Что попробуешь? Ты о чем? – жена с тревогой посмотрела на мужа. – Не заболел? Вот они, твои проклятые командировки!

– Подожди, Аня, – прервал ее Петрович, – вот с мышами-то как раз я тебе и попробую помочь!

– Когда? Ты ведь уже завтра уезжаешь!

– Сегодня и попробую! – Спецу уже не терпелось осуществить задуманное.

Первым делом Петрович попросил домашних оставить его одного хотя бы на час. Жена покрутила пальцем у виска, забрала дочь и вышла из дому. Он, недолго поколдовав над пейджером, обернулся отвратительной серой крысой с длинным хвостом и красными глазками. Крыса покрутилась по кухне и принялась за дело.

Петрович был не просто умной крысой, он был крысой с человеческим умом, правда, без опыта общения с себе подобными. Но с крысиным видом он обретал и заложенные в нее природой навыки и знания. Поэтому, приюхиваясь к разным запахам, он открывал для себя целый мир со своими законами и правилами поведения и был, что называется, уже в теме. Вот и сейчас он точно знал, что стоит ему, крысе, появиться, как любая мышь бросится наутек. Но правила дик-

товали свое поведение. Надо было, прежде всего, пометить свои новые владения. Затем необходимо встретиться с Мышиным Королем этого подвала и вразумить его действовать по новым правилам. Ну, что ж, надо попробовать!

После недолгих поисков он предстал перед самим Мышиным Королем. Спец, с одной стороны, понимал всю несуразность происходящего, но с другой, был абсолютно убежден, что всё, живущее на Земле, подчиняется одним и тем же законам. Сильнейший всегда прав – один из главных законов биологии. Есть и другой закон: живи и дай жить другим, что тоже неукоснительно выполняется... к сожалению, только в животном мире. И сейчас настала пора применить оба этих закона.

Мышиный Король представлял собой довольно крупную особь со светло-серой, в отличие от его более темных собратьев, лоснящейся шкуркой. Он сидел в половинке старого пакета из-под молока и грозно шевелил усами. Вокруг шныряли рядовые – дозорные мыши.

Крыса-Спец остановился поодаль, держа определенную дистанцию – один из важнейших элементов уважения к противнику. Он привстал на задние лапки и заговорил.

Несмотря на небольшие различия между особями одного вида, и даже одного семейства, собеседники прекрасно понимали друг друга. Так, русский человек, не зная языка, может запросто понять украинца или, скажем, серба.

Крыса-Спец объяснил королю, что этот подвал издавна

принадлежал его клану. Но, по объективным причинам, его многочисленный род был вынужден уйти. Какие причины? Опасная болезнь, вызванная какой-то химией, которую там, наверху, разбросали наши злейшие враги – люди. Эта зараза, распространяющаяся как эпидемия, косит всех грызунов, особенно мышей. Несмотря на общеизвестный факт, что крысы – одни из самых выносливых животных на Земле, даже им пришлось уйти из этих мест. Оставшиеся на своих местах грызуны покрылись страшной коростой и подошли в страшных мучениях! Теперь же, когда угроза поголовного заражения крысам уже не так страшна, его, как самого быстрого, послали узнать, не поселился ли кто в подвале, чтобы предупредить их об опасности.

– И когда же собираются уважаемые родственники опять здесь поселиться? – подал голос король после продолжительного молчания. По всему было видно, что он находится под большим впечатлением от услышанного!

– Как только мыши покинут это страшное место, Ваше Величество!

Крыса-Спец уже не сомневался в благополучном исходе этой кампании. Пробегая мимо сплошной серой массы, расступающейся перед ним, он подумал: «А ведь Аня была права – их действительно целая прорва!»

Его крысиное сердце ликовало! Девушка не соврала: пейджер не только умел превращать в животных, он еще и давал возможность общения на их языке и, более того, вселял

уверенность в силы и возможности самого Спеца!

«Нет, все-таки как ловко я придумал с эпидемией! Ну и растерянная же мордочка была у этого надутого индюка! Смех, да и только!»

Часть 2

Глава 1

Получив перед путешествием полный список животных, которых хотел бы видеть мэр в своем зверинце, Спец ахнул: слишком уж большая география была средой их обитания. Ну не ездить же ему, в самом деле, по всему миру в поисках этой экзотики. Возможно, единственно правильным решением было найти зоопарк, где представлено наиболее полное собрание всех особей. Засев за справочники, он выбрал Бронкский зоопарк Нью-Йорка.

Проблемы туда попасть не было. Для этого, по большому счету, даже не требовалась въездная виза – Преобразователь в считанные секунды мог доставить Спеца хоть на край света! Проблемой было заполучить животное. Другая проблема – доставить его в родной город. А если учесть их количество, то возникала и третья проблема.

Обычному рядовому гражданину, пусть и наделенному определенными полномочиями и финансовыми возможностями, все это, конечно, было бы не под силу. Но не Спецу! Ведь кроме волшебного пейджера и бесценных хлебаков, подаренных Саввичем, у него еще было сильнейшее желание выполнить поставленную задачу!

Спец набрал на дисплее название континента, страны и города, глубоко вздохнул и нажал на красную кнопку. Его тотчас как будто бы обдало сильным порывом ветра. Затем вокруг бешеной каруселью замелькали разноцветные слепящие огоньки, потом наступила темнота, и он отключился.

Очнувшись, Спец обнаружил себя сидящим на обшарпанной скамейке рядом с человеком примерно одного с ним возраста, абсолютно бомжеватого вида, который с изумлением на давно не бритой физиономии смотрел на него, открыв рот.

Это был совершенно опустившийся человек. Несмотря на жару, на нем была грязная плотная синяя джинсовая куртка, застегнутая на все пуговицы, просторные рваные брюки неопределенного цвета и неожиданно щегольские черные туфли-лодочки, подвязанные к ступням бечевкой. На кудлатой голове незнакомца была надета мягкая плюшевая кепка.

– Ты кто?! – дохнул бомж перегаром и указал на Петровича огрызком огурца.

При этом он говорил по-английски! И Спец, к своему изумлению, его прекрасно понял, хотя в школе с грехом пополам осваивал только немецкий. Он огляделся. Они сидели неподалеку от какого-то парка или сквера. Было раннее утро, ветерок лениво шевелил листьями экзотических деревьев.

– Дед Пихто! – машинально ответил он любимой поговоркой мэра.

– Дедпихто, – медленно повторил бомж, – странное имя! Ты – ирландец? – он деловито заворачивал нехитрую снедь в газету «New York Times».

– Почему – ирландец? – удивился Спец.

Но бомж, казалось, уже забыл о своем вопросе и занялся более важным делом – он с увлечением ковырялся в зубах обломком спички, настороженно поглядывая при этом на явного иностранца, судя по одежде, возникшего на его скамейке так неожиданно. Может, он переодетый коп? Вон как подкрался незаметно! Или, того хуже, конкурент, претендующий на его скамейку? Правда, на бездомного он не похож...

– А по мне – хоть китаец, лишь бы в душу ко мне не лез! – бродяга сплюнул под ноги незваного гостя. – Значит, Пихто? – он произнес новое имя Спеца с ударением на первый слог. – И чего тебе надо, мистер Пихто? Есть ко мне претензии? – он подозрительно покосился на карманы его пиджака, стараясь определить наличие оружия.

– Вовсе нет! – удивился такой реакцией Петрович. – Просто я ищу зоопарк. Бронкский зоопарк!

– Ты чокнутый? – удивился в ответ американец. – Как же еще может называться зоопарк в Бронксе? Нет, ты не коп! Ты – точно иностранец, хотя и шпаришь по-нашему без запинки! – успокоился бомж. – А я – Сэм, можно просто Сэмми! – он привстал и церемонно наклонил голову. – Руки не подаю – грязная! Он расстегнул куртку, под которой оказа-

лась грязно-лиловая майка с надписью «Boss». Брюки на его худой фигуре держались с помощью провода в белой оплетке.

– Жарковато сегодня! – Он с удовольствием подставил лицо ветерку.

– Послушай, Сэм, ты знаешь, где здесь зоопарк?

– Почему не знаю, вон там! – он махнул в сторону парка. – Приятель у меня там смотрителем служит... а тебе зачем, иностранец? – он опять подозрительно взглянул на собеседника.

«Вот это удача!» – пронеслось в голове у Спеца.

– Хочу туда попасть. Дело у меня к нему есть, к приятелю твоему. Познакомишь?

– А мне-то, какой навар? Баксы есть? – Сэмми снова критически оглядел Спеца с ног до головы.

– Не волнуйся, не обижу. Век будешь помнить!

Бронкский зоопарк располагался на огромной территории и представлял собой конгломерат практически все известных ареалов, включая джунгли Африки и Конго, и даже Гималаев. В справочнике Спец узнал, что свыше четырех тысяч животных, населяющих этот зоопарк, живут в условиях, максимально приближенных к естественным. Заблудиться на более чем ста гектарах земли было немудрено, и без знающего проводника не обойтись.

Джон, приятель Сэмми, оказался на редкость молчали-

вым парнем лет тридцати пяти, одетым в ковбойку и джинсы, заправленные в короткие щегольские сапоги. На голове у него была шляпа с короткими полями. Ни дать, ни взять – американский ковбой из фильма про Дикий Запад. Невозмутимый вид, неспешная походка, спокойная уверенность во взгляде разительно отличали его от Сэмми и с самой лучшей стороны характеризовали как служащего одного из самых больших зоопарков в мире. Ведь животные лучше всего воспринимают именно спокойных и уравновешенных людей.

– Что вы хотели узнать, мистер? – спросил Джон. – Если это криминал, то я – пас! Я слишком дорожу этой работой. Сэмми знает, как она мне досталась.

– У него даже джип казенный имеется! – встрял Сэмми. – Кстати, Джонни, у Пихто есть одна штука – закачаешься! Он мне утром дал попробовать малюсенький кусочек и, веришь, мне до сих пор не хочется ни есть, ни пить! И похмелье как ветром сдуло! Это просто чудо! У Пихто этого добра навалом!

– Что ты там такое бормочешь? – Джон недоверчиво, с кривой улыбкой посмотрел на друга. – Небось, вчера опять набрался, как поросенок, вот и привиделось тебе невесть что!

– Сэмми прав! С помощью моих хлебаков я могу накормить всех ваших зверей за короткое время, и ваш зоопарк на этом сэкономит не одну сотню тысяч долларов! А тебя сразу повысят в должности!

– Ну, а тебе-то какой резон? – Джон подозрительно смотрел на Спеца. – Хотя ты и говоришь без акцента, но я-то вижу: ты – не американец, Пихто! Меня не обманешь! Чего тебе надо на самом деле? Кто ты такой? Шпион? Откуда? Что-то хочешь взамен?

«Да, деловой американский подход виден невооруженным глазом. Джону, видно, придется сказать все, как есть», – подумал Спец. И он объяснил, кто он и с какой целью здесь оказался, опуская, правда, слишком шокирующие подробности.

– Ну вы, русские, и выдумщики! Всегда относился к вашей нации с недоверием! Уж не обижайся! – произнес потрясенный рассказом Джон. И, даже попробовав его хлебачка, он все еще был в большом сомнении. Больше всего его заинтересовал чудо-прибор, с помощью которого Пихто собирался уменьшать животных в размерах. Он долго и тщательно разглядывал «птичье гнездо» и цокал языком:

– Это что, разработка ваших русских ученых? Какие-то космические технологии, стилизованные под русский народный антураж?

Сэмми же, с любопытством заглядывая через плечо своего товарища, возбужденно приговаривал:

– Я же говорил, я же говорил!

Петрович только разводил руками и виновато улыбался: мол, не вправе разглашать государственную тайну!

– Друзья, поверьте. В свое время вы все узнаете!

Джонни, все еще пребывая в сомнении, осведомился:

– Но как мы соберем в одном месте столько разных животных, ведь они распределены по разным секторам огромной территории? И потом, они же сожрут друг друга! Нет, это бред!

– Послушай, Джон, я все продумал! Мы с тобой объедем на твоём джипе всех зверушек по моему списку, выберем понравившиеся особи, превратим их с помощью моего прибора в карликовых и...

– Нет, так не пойдет! – прервал его Джон. – Это уже порча американского имущества. Меня уволят!

– А если я их куплю?

– Да у тебя никаких денег не хватит, чтобы их купить! И вообще, эти животные – наша американская собственность и гордость! Они не продаются!

Джон, а вместе с ним и приосанившийся Сэм, тут же преисполнились чувством патриотизма.

Спец их вполне понимал.

– Ну, хорошо, – помолчав, продолжил он, – а что бы ты, к примеру, сделал на моем месте? Джонни, подумай, я ведь действительно могу помочь накормить ваших животных нашим стратегическим продуктом. Его у нас едят космонавты, то есть, астронавты, по-вашему. Звери долгое время не будут нуждаться в еде и питье! И потом, на сэкономленные деньги ваша администрация сможет приобрести новое пополнение!

– Ладно, – после некоторого раздумья произнес Джон, – надо сначала проверить на бегемоте. Ты помнишь, Сэмми,

этого бегемота? Ну, того, который заболел, я тебе его еще показывал. Так вот, наши эскулапы на него уже рукой махнули. Мы его перевезли. Он тут недалеко, в клетке. Умирает. А усыпить жалко!

– ОК! – с готовностью согласился Спец, хотя в душе сильно сомневался в лечебных свойствах хлебаков.

Умиравший бегемот пребывал в жалком состоянии. Бедное животное лежало на полу клетки, бока его судорожно вздымались, из пасти раздавалось ужасное хрипение, глаза были полузакрыты, а запах, исходящий от него, был просто невыносим! Спец отщипнул кусочек драгоценного продукта и передал его Джону, который, по совету вездесущего Сэмми, растолок его в порошок и развел в бутылке воды. Затем Джон через трубку, вставленную в пасть бегемота, осторожно влил туда все содержимое бутылки.

Прошла целая минута, прежде чем стали происходить невероятные вещи. Вокруг клетки к этому времени собралась толпа зевак, несмотря на развешанные таблички, запрещающие приближаться к клетке. А происходило следующее: сначала бегемот открыл глаза и перестал хрипеть, затем он как-то странно вздрогнул и засучил ногами. Потом, затихнув на мгновение, он вдруг резко поднялся и, открыв пасть, оглушительно заревел. При этом его маленький хвостик уморительно задрожал.

Толпа неистовствовала в своем ликовании! Хлопали все,

кто стоял рядом. Услышав победный рев бегемота, подъехал на своем джипе и сам старший смотритель.

Джон был сражен, а Сэмми глядел на Спеца с благоговением.

– Я же говорил, Джонни, – захлебывался он словами, – этот русский – просто волшебник!

Петрович и сам чувствовал себя волшебником. Как же он сейчас был благодарен Саввичу за чудесный подарок! И как он там?..

Глава 2

– Кофе, господа? – спросил Джим Паркинс, высокий чрезвычайно худой тип с вытянутой физиономией и длинным вислым носом. В своем щегольском костюме-тройке он несколько нелепо смотрелся в огромном кабинете, заставленном чучелами животных и птиц. Главный менеджер Бронкского зоопарка настороженно смотрел на Спеца и Джона, когда они удобно устроились в креслах, стоящих напротив его стола. – Хотя, я знаю, Джон предпочитает цейлонский чай... не так ли?

Действительно, по словам того же Джона неулыбчивый Паркинс непостижимым образом знал все обо всех своих подчиненных, а, главное, был в курсе всех дел в своем огромном хозяйстве. Ну, на то он и был – Главный!

– Не откажемся, спасибо! – ответил за двоих Джон.

– Ну, что же, – через некоторое время продолжил Джим, обращаясь к Спецу, – мистер Пихто, Джон вкратце рассказал мне о вас и о вашем лекарстве, и поэтому у меня к вам есть несколько вопросов. Сколько вы хотите за ваше чудодейственное лекарство? У вас имеется лицензия на продажу его в Америке? Это действительно разработка русских для космоса? Где вы остановились и у кого проживаете? У вас есть полномочия вести переговоры? Как надолго вы приехали?

Спец молчал, подавленный шквалом вопросов. Он просто не знал, что ответить. Его выручил Джон.

– Видите ли, сэр, – со спокойным достоинством начал он, – дело в том, что мистер Пихто не говорит по-английски. Он буквально вчера прилетел из России к своим родственникам-эмигрантам, живущим в Нижнем Бронксе. Они – мои хорошие соседи, так я с ним и познакомился. Я ведь немного понимаю по-русски, – после того, как подружился с этими приятными людьми. Это я, сэр, уж простите меня, пригласил его попытаться вылечить бедного бегемота, когда узнал, что Пихто у себя на родине частным образом изобрел новое лекарство и с успехом апробировал его на русских животных. Он ведь по образованию химик, но много лет проработал в ветеринарной клинике. Сейчас – на пенсии по здоровью, что-то с легкими. Вот его и пригласили американские родственники – полечиться у наших врачей, потому что у нас более продвинутая медицина! – самозабвенно врал Джон. –

Его единственной целью, кроме лечения, было посещение именно нашего зоопарка и знакомство с нашими животными. Это – мечта всей его жизни! К тому же, Пихто любезно согласился передать бесплатно имеющееся у него лекарство взамен на разрешение беспрепятственно перемещаться в нашем зоопарке столько, сколько он пожелает. А что касается научных разработок для космоса, то это – выдумки вечно пьяного болтуна Сэмми.

Но Сэм – вовсе не плохой парень! Его весь Бронкс знает! Хотя когда напьется, болтает черти что. Да вы сами подумайте, сэр, разве «Кэй Джи Би» с его длинными руками выпустило бы за кордон кого-нибудь с препаратом, представляющим хотя бы малейшую государственную тайну? А тем более, если это касается космоса?! И это с их русскими амбициями! Полный бред!

Петрович усиленно делал вид, что не понимает ни слова из этой поистине пламенной речи своего нового друга, так вовремя пришедшего ему на помощь. Между тем, слова Джона, по-видимому, произвели впечатление на Главного менеджера. Он встал и прошелся по кабинету.

– Джон, а какого черта делает этот забулдыга на моей территории? Мне уже не первый раз докладывают о том, что его тощую задницу видели рядом с тобой. Почему бы тебе не избавить всех нас от этой пьяной рожи навсегда... если тебе дорого это место, конечно?

– Мистер Паркинс, сэр, ради Бога, простите меня, но Сэм-

ми, когда трезв, вполне безобидный малый! Я иногда приглашаю его немного погреться в своем джипе. К тому же он здорово мне помогает охранять вольеры от пьяных, случайно попавших на нашу территорию. Он с ними быстро разбирается – по-свойски и, заметьте, сэр, совершенно бесплатно!

Последний аргумент, как показалось Спецу, убедил менеджера больше всего.

– Ну, хорошо! – Паркинс снова сел за свой огромный стол. – Я принял решение! Я разрешаю тебе, Джон, сопровождать уважаемого мистера Пихто по всей территории зоопарка. Более того, на время его пребывания у нас, проведения осмотра и лечения зверей освобождаю тебя, Джон, от необходимости заниматься твоими прямыми обязанностями. Их я возложу на старшего смотрителя Харриса. А если и дальше у вас все пойдет так же гладко, я сделаю тебя старшим вместо Харриса. – Он выделил голосом слово «тебя» и, немного помолчав, добавил: – И чтобы ни одна душа об этом не узнала. Нам не нужны конкуренты. Ты меня понял, Джон? От этого будет зависеть твоя карьера! – он снова встал из-за стола и подошел к собеседникам:

– Да, и вот еще что. Пожелай своему русскому от меня скорейшего выздоровления! И скажи ему, что американская медицина, как и все на свете – лучшая в мире! А теперь унесите ваши задницы, пока я не передумал! – С этими словами он, сделав подобие улыбки на лице, пожал руки обоим.

– Что-то я подустал сегодня, – сказал Джон, выходя с Пихто от Главного. Он был очень доволен собой! Еще бы, почти безнадежную ситуацию он сумел переломить в свою пользу. А Сэмми – хорош, чуть было не угробил все своей болтовней! И Джим был недоволен... Ну, да ладно, главное, что в итоге все так удачно сложилось. Он посмотрел на Пихто и подумал: «Да, этот русский – не так прост, как показалось на первый взгляд, но товар у него уникальный. Такого отпустить от себя нельзя! Ему надо помочь во всем! А прибор у него – просто фантастика! Хорошо, что я про него не проговорился, а то Паркинс не упустил бы момента вцепиться мертвой хваткой. Пока же все тихо и спокойно. А когда русский уедет, у меня останутся и товар, и должность!»

– А скажи-ка, друг мой Пихто, – спросил Джон, когда, получив свою порцию благодарности от Спеца, они вышли из зоопарка, – у тебя есть, где переночевать? Или ты предпочитаешь составить компанию Сэмми? – и, не дожидаясь ответа, предложил: – А поехали ко мне в Нижний Бронкс! У тебя ведь там тоже живут «родственники»? – и он весело подмигнул Спецу.

Джон снимал небольшую по Нью-Йоркским меркам квартиру на втором этаже большого доходного дома. Это было типично американское жилье – нечто вроде большой студии, где кухня, спальная, гостиная и прихожая не разделялись перегородками. Но все было вполне удобно и логично. Обста-

новка была хоть и небогатой, но достаточной для проживания холостяка, оснащенной всем необходимым. Даже имела большая клетка с попугаем, уныло сидящим на жердочке.

– Неразлучник?! – сразу признал птицу Спец. – А где же его собрат?

– Бедняга Том умер два дня тому назад. А Джерри, видишь, заскучал. Времени, веришь, не хватает. В магазин надо ехать, хоть и не слишком далеко, а все никак не соберусь...

– А как же ты их различал? Может, это и не Том умер вообще?

Но Джон его уже не слышал. Уставший, он безмятежно спал на старом диванчике.

Несмотря на длинный и насыщенный событиями день, Спец не чувствовал себя разбитым. Возможно, это было за счет несомненной удачи в продвижении к поставленной цели. Все-таки ему здорово повезло с новыми знакомыми. Неплохие ребята эти американцы!

Он включил телевизор и стал лениво переключать многочисленные каналы. Петрович глубоко задумался. Первый этап пройден благополучно: у него есть возможность беспрепятственного передвижения по всей территории зоопарка, да еще и в сопровождении гида, водителя и помощника – в одном лице.

«Хорошо, – думал он, – ну, найду я всех животных, каких

надо. Может, даже удастся уменьшить кого-то, если, конечно, это будет не единственный экземпляр и не из Красной книги. Возможно, даже уговорю Джона продать мне его. Думаю, денег, полученных мэром, мне хватит, но ведь надо еще умудриться сделать это так, чтобы никто не заметил! Хотя потом, наверное, все равно заметят! И кто будет виноват? Конечно, Джон, кто ж еще? И тогда его могут не только уволить, но и посадить! Нет, только не это! Что же делать?»

По телевизору тем временем показывали какое-то фермерское хозяйство. Голос за кадром со свойственным американцам оптимизмом перечислял, сколько поголовья овец держит немолодой фермер. Показали и счастливого фермера, который с напряженной улыбкой, волнуясь и размахивая руками, воодушевленно рассказывал про свои фермерские подвиги. Он схватил пробегающую овцу и, показывая на отросшую шерсть, объяснял, сколько долларов с этой Долли он снимет после продажи руна.

«Да, – отвечал фермер голосу за кадром, – назвал ее так в честь знаменитой клонированной овцы». Спец с улыбкой смотрел на его мучения перед камерой. И тут его словно громом поразило – он все понял! Он понял, как можно решить все проблемы!

Первым делом он схватил брошюрку и, шевеля губами, как прилежный школьник, долго тыкал в кнопки, поминутно заглядывая в инструкцию; наконец, с облегчением выдохнул и откинулся на спину кресла. Теперь он также знал, как мож-

но помочь и бедному Джерри (или Тому?) обрести друга! Он посмотрел на спящего Джона и улыбнулся, представив его удивление, когда тот проснется. Он потер руки и приступил к делу.

Спец проснулся на своем неудобном кресле от громкого крика Джона.

– Пихто! – орал он, – ты посмотри, что в клетке. Мои попугаи! Их двое! Но как? А-а-а, я понял, это ты решил мне сделать подарок и, когда я спал, съездил и купил второго. Хотя, нет, постой, магазины, когда мы приехали домой уже не работали! А сейчас они еще не работают! Может, соседи?.. Да нет, я бы знал, если у кого рядом были неразлучники...

Он подошел ближе к клетке и вдруг замер с открытым ртом. Не в силах произнести ни слова, он дрожащим пальцем указывал на ножки попугаев. Теперь Спец и сам увидел то, на что не обратил внимания ночью. На левой ножке каждой из птиц не хватало по одному среднему коготку.

– Видишь, – наконец заговорил Джон, – они ОБА без одного коготка! Это Джерри, – я его купил уже такого! А у Тома все было в порядке. Я их так и различал! А теперь они оба Джерри! – Он долгим взглядом поглядел на Спеца, и тот сдался:

– Да, ты прав! Второй Джерри – его клон! Понимаешь, Джон, мне это удалось! Теперь не надо будет забирать ваших американских животных! Мы их просто клонируем! Ты рад?!

Еще бы! Конечно, Джон был рад! В глубине души он надеялся, что вся эта история с уменьшением – бред сивой кобылы! Он, Джон, все равно никогда бы не допустил никакого уменьшения, а тем более – вывоза их животных в какую-то там Россию. Даже за деньги! Джон последнее время много об этом думал. Да, деньги в его стране решали все, но, покопавшись в самом себе, он понял, что его собственные слова о патриотизме вовсе не бравада перед иностранцем! К тому же, Джон сильно надеялся, что свои баксы он все равно заработает с помощью того же Пихто. Он, правда, еще пока не решил, как именно, но чутье подсказывало ему, что его новый друг – единственный шанс подобраться поближе к великой американской мечте!

Джону даже было немного жалко бедного русского мечтателя. Но теперь все по-другому! Как говорится, и волки американские целы, и овцы сыты, хоть и клонированные!

Глава 3

– Алло, дорогой, ты меня слышишь? – в трубке Петровича звучал взволнованный голос жены. – Как ты там? У нас все хорошо, все здоровы! С дочкой тоже все нормально. Как у тебя продвигаются твои дела? ...Неплохо? Ну, я рада! Сколько тебе еще там придется сидеть, в этом Нью-Йорке? Кстати, а правда, что этот зоопарк – такой грандиозный? ...Вот бы дочке все показать! ...Да, я понимаю, понимаю... Слу-

шай, чуть не забыла, представляешь – мышей нет!!! Ни одной! Это фантастика! И у ближайших соседей – тоже! Что ты такое сделал с ними? Соседи не нарадуются. А Мария Константиновна, когда я ей рассказала, что это – дело твоих рук, даже пирог с капустой – большущий – нам принесла и велела тебе кланяться. Ну, ладно, все, я заканчиваю. Приезжай скорее. Пока. Целую!

Спец был весьма доволен разговором с Аней. Его жена еще раз подтвердила истину: чтобы что-то сделать, надо просто делать! Спец улыбнулся, вспомнив, с какой гордостью она описывала разговор с соседкой, упоминая заслуги мужа. За всю их прошлую совместную жизнь она так им не гордилась, как из-за этих мышей! Даже тогда, когда он с завода перешел на службу в мэрию.

Петрович с теплотой вспомнил, как они познакомились. Аня всегда отличалась сдержанностью в проявлении своих чувств. Наверное, именно этим скромная одноклассница Анечка и привлекла внимание молодого, целеустремленного и честолюбивого парня. Помнится, на пятом курсе он занял первое место в личном зачете на общеинститутских легкоатлетических соревнованиях. Все девчонки из группы бросились поздравлять его тогда, и только Аня не подошла к нему, а лишь издали заинтересовано посмотрела. Да, точно, именно тогда все у них и началось...

Петрович очень любил свою жену, которая, как спящая

царевна после пробуждения, раскрылась по-настоящему в браке с ним. Она расцвела, стала заботливой и нежной, любящей женщиной, преданной своему мужу, понимающей его, как никто, и разделяющей с ним все его победы и неудачи. И, даже когда она порой и ворчала на мужа, это ничуть не обижало и не злило Петровича, ведь он понимал, что сам он – далеко не сахар!

А сейчас победа была просто необходима! Ведь теперь, когда операция по устранению грызунов прошла на ура, надо было применить полученные навыки в масштабах уже неизмеримо больших, нежели подвал собственного дома. К тому же у него созрел новый план действий. Заключался он в следующем.

Сначала они с Джоном планомерно объедут весь зоопарк в поисках нужных для клонирования животных.

Затем Петрович вступит в визуальный контакт с понравившимся кандидатом, который должен пребывать при этом в спокойном состоянии. Как предписывала инструкция, клонирование было возможным только в том случае, если объект будет неподвижным в течение хотя бы одной минуты! Он вспомнил беднягу Джерри. В своем горе тот мог сидеть на жердочке в позе каменного истукана часами!

Потом клонированное животное необходимо будет уменьшить до нужного размера и поместить в специальный контейнер на колесах или трейлер.

Поиски трейлера решено было поручить Сэму, который уже, было, заскучал, лишившись необходимости целыми днями пробиваться в поисках хлеба насущного. «Хэлбэк», как на американский манер называли хлебака Сэм и Джон, полученный им в подарок в первый день знакомства, освободил его на некоторое время от этого весьма увлекательного занятия! К тому же Сэмми знал толк в технике, ведь в прошлом он был неплохим автослесарем и электриком. Трейлер должен быть сделан по заказу, финансируемому Петровичем.

Конструкцию разработал многоопытный в теме животных Джон. Она была продумана до мелочей и включала в себя перегородки, отсеки, проходы и ясли для спокойного пребывания различных по характеру, темпераменту и кулинарным предпочтениям животных. Также там было предусмотрено место и для оператора Пихто. Автомобиль Джона возьмет трейлер на прицеп. Трейлер будет снабжен хорошей вентиляцией, а от любопытных глаз и ушей он будет защищен звуконепроницаемыми стенами без окон. Была придумана версия передвижного полевого госпиталя. Для этого по бокам трейлера будут изображены большие красные кресты.

Сэма, по настоятельной просьбе главного ветеринара Пихто, на время его пребывания в зоопарке оформили санитаром на подхвате, чему тот рад был безмерно. Ведь теперь он был и сыт («хэлбэк» мог ему еще пригодиться на черный день!), и в тепле, и даже при небольшом денежном доволь-

ствии. К тому же, ему разрешалось ночевать в трейлере, а заодно и следить за порядком в этом «Ноевом ковчеге», – как он его тут же и окрестил. А что, неплохое название, хотя и не совсем точное: каждой твари здесь будет, к сожалению, не по паре, а лишь по одному экземпляру! И только одно условие было Сэмми не по душе – на вверенной ему территории исключался всякий алкоголь, ведь животные не выносят пьяных! Но ради такой работы можно было и потерпеть.

После того, как трейлер вместит всех животных, – а с чудесным прибором это не проблема, – его нужно будет переместить в зоопарк его родного города. С этой проблемой Спец на практике еще не сталкивался, хотя и обсуждал ее с красавицей во время уроков по изучению возможностей «ПМЭ-1У».

Суть процесса сводилась к помещению в поле действия Преобразователя трейлера, но обязательно вместе с оператором, то есть с ним, Петровичем. Но во время инструктажа ему и в голову не пришло спросить всезнающую девицу о размерах этого самого поля. Цифра «1» в названии говорила, что энергии Преобразователя хватает на одного человека! И, следовательно, большой трейлер в этом поле не поместится! И, значит, ему придется перемещаться туда-сюда, как заведенному, с каждой тварью на руках? От такой перспективы у Спеца засосало под ложечкой и учащенно забилося сердце. Нет, надо было что-то придумать!

Это было большой проблемой, которую было невозможно

просчитать заранее. Спец также понимал, что Преобразователь не был способен уменьшить трейлер пропорционально размеру животных – конструкцией прибора такая функция не предусматривалась!

Если гора не идет к Магомету, значит, надо подтолкнуть этого самого Магомета к горе! Другими словами, если нельзя уменьшить в размерах трейлер, значит, надо увеличить поле действия прибора до размеров трейлера. Только и всего! А кто у нас главный по технике? Конечно, Сэм!

Когда перед Сэмми стояла какая-нибудь конкретная задача, все его нутро, отравленное алкоголем, буквально требовало его еще в больших количествах – уже как допинг. Без него Сэмми впадал в состояние, близкое к анабиозу. Но алкоголь был исключен из списка препаратов, допущенных к употреблению.

Решено было применить к Сэмми те же методы, что и к больному бегемоту, только в дозах, соразмерных с его щедрым телом. Чудодейственный эликсир взбодрил Сэма, и он вскоре предложил простое решение. Вместо батарейки было решено попробовать использовать автомобильный аккумулятор, коммутированный с автомобильными устройствами, понижающими напряжение до необходимого значения, подобно тому, как тот же мобильник подключается к прикуривателю автомобиля для подзарядки. Приспособление было, наконец, собрано и готово к испытанию. На следующий день была намечена генеральная репетиция.

Для Петровича наступал переломный момент. Если не получится перемещение трейлера, это будет означать только одно – провал! А он никак не мог его допустить, ведь на карту ставилась не только карьера, но, прежде всего, вера в свои способности. А его семья? Как он будет смотреть в глаза жене и дочери, которых он так часто оставлял одних ради этой самой работы. И что же? Вернуться ни с чем? Расписаться в собственном бессилии, несмотря на такие волшебные предметы, попавшие в его распоряжении с таким трудом?!

Ему будет стыдно и перед его благодетельницей – старухой-колдуньей, благословившей его на подвиги. Прощаясь, старуха и растроганный Саввич сказали ему тогда, что гордятся им, что верят в него – потомка легендарного старца в десятом колене! Он и сам был горд собой...

Завтра, все произойдет завтра. А ведь может стать и так, что, перемещаясь в том трейлере, он просто разобьется, ведь подобный эксперимент никто никогда еще не проводил. Даже в космос сначала отправляли Белку со Стрелкой – собак, а не человека! Петрович по сути рисковал жизнью, рисковал оставить свою семью без кормильца. Вот когда он первый раз пожалел о том, что отказался от бессмертия! Нет, лучше вообще об этом не думать. Не случайно говорится: утро вечера мудренее.

Надежда – вот что для Петровича сейчас было самым главным! Надежда и вера в себя.

В качестве объекта перемещения, пока не был готов трей-

лер, решили использовать старую клетку, которая не так давно была последним пристанищем умиравшего бегемота. Клетку требовалось переместить на хоздвор, располагавшийся в противоположной части зоопарка.

В центр уже вычищенной клетки поместили и надежно закрепили обычный канцелярский стул, оборудованный устройством, закрепленным под сиденьем и закрытым от посторонних глаз выкрашенной под цвет стула фанерой. Через спинку стула Сэм вывел проводок со штекером, который надо было просто воткнуть в Преобразователь.

Пихто, под восхищенным взглядом Сэма и недоверчивой улыбкой Джонни, с видимым волнением устроился на стуле и, немного поколдовав над пейджером, ткнул в нужную точку на карте зоопарка.

– Поехали! – крикнул он по-гагарински и провалился в слепящий круговорот ярких огней.

* * *

Тем временем мэр, также получив от Петровича ободряющие новости, не сидел, сложа руки. Пал Палыч проявил кипучую деятельность и неумную энергию в обустройстве своего мини-зоопарка. Он нагнал рабочих, пригласил специалистов-озеленителей и главного консультанта по флоре и фауне. Его задачей теперь было организовать у себя некое подобие Нью-Йоркского зоопарка. Строились специальные

помещения, были завезены растения определенных климатических зон, которые разместили в павильонах наподобие оранжерей, чтобы теплолюбивые животные оказались в привычных для себя условиях и не страдали от сурового российского климата. Обустройство шло полным ходом, с нетерпением ожидали самих зверей, которые должны были стать в скором времени полноправными жителями зоопарка.

Сегодня Пал Палыч был в благодушном настроении. Подготовка к приему животных была практически завершена. Рабочие и озеленители постарались на славу. Мэр был безмерно горд своей задумкой. Еще бы, ведь он не только практически осуществил свою давнюю детскую мечту, но и пошел дальше!

У него в городе, во-первых, появится именно зоопарк, а не зверинец, как задумывалось изначально. Звери не должны сидеть в клетках и выполнять исключительно коммерческое назначение. Нет, они будут жить как будто бы на воле, оставаясь при этом визуально доступными для всего населения их городка, а также для их изучения специалистами. Этим и отличался зоопарк от зверинца.

Во-вторых, они будут необычными, уникальными по своим размерам. Именно это и позволит вместить всех на такой маленькой площади. В конце концов, мы не в Нью-Йорке, да и животные не будут страдать из-за вынужденно малой территории, отведенной под зоопарк...

Глава 4

Придя в себя от знакомой карусели из ветра и разноцветных огней, Спец тут же вздрогнул от пронзительного сигнала, что исходил от здорового контейнеровоза, на всех парах несущегося прямо на его клетку. Он, впервые оказавшись внутри, а не снаружи клетки, чувствовал себя, мягко говоря, неудобно. Его клетка стояла посередине шоссе за территорией зоопарка! Отчаянно визжа тормозами, контейнеровоз едва не врезался во внезапно появившуюся преграду на его пути, остановившись буквально в нескольких дюймах от клетки!

Из кабины огромной махины с не менее пронзительным ревом выскочил взъерошенный водила и, потрясая кулаками, на чем свет стоит начал костерить улыбающегося Спеца. Несмотря на неточность приземления, Петрович ликовал! У него опять все получилось!

Теперь оставалось только прикинуть разницу в весе трейлера и клетки и подобрать подходящие по своим техническим параметрам источники питания. Но это уже была техническая формальность!

На глазах изумленных авто-зевак он не спеша покинул свое убежище и, рассеянно помахав им рукой, двинулся навстречу своему триумфу. За клетку и ее содержимое он не волновался – в Америке традиционно испытывали уважение

к частной собственности – основе западной государственности. Предусмотрительный Джон перед перемещением повесил на самом видном месте клетки табличку «Собственность Бронкского зоопарка» с номером своего телефона.

Не успел Спец дойти до южного входа в зоопарк, как подъехавшие полицейские уже руководили операцией по возвращению собственности ее законному владельцу. А через полчаса об этом авто-инциденте уже никто и не вспоминал.

Прикинув примерный вес доставленного к тому времени трейлера со всеми его будущими обитателями, друзья заполнили его чугунными болванками вместо животных для чистоты эксперимента. После этого была произведена пробная переброска «Ноевого Ковчега» из одной части огромного зоопарка в другую. Все прошло как нельзя лучше.

Предстоял следующий, самый ответственный этап операции под названием «Клонирование», ведь вся подготовка к содержанию и перевозке животных была завершена. Дело оставалось за малым.

Во-первых, найти всех заявленных в списке зверей. А мэри в своих желаниях не поспешил на разнообразие фауны. Кто только ни был представлен в этом списке: помимо обычных животных встречались и довольно редкие, а порой и редчайшие экземпляры. Чего стоили одни названия: красная панда, снежный леопард, золотистая обезьяна или белоснежный журавль из джунглей Гималаев? А человекообразные горил-

лы из Конго или тапиры с гиббонами из африканских джунглей? Всего в списке из сотни животных примерно около тридцати были довольно редкими. И, хотя общее количество едва ли составляло десятую часть всех видов, скажем, Московского зоопарка, для маленького города и эта цифра являлась очень значительной. И почти все, за исключением лишь некоторых экземпляров, имелись в здешнем зоопарке!

Во-вторых, как уже упоминалось, клонировать животных можно было при условии их хотя бы минутной неподвижности. И в этом была самая большая сложность, поэтому решено было начать с самого спокойного из них.

Когда трое друзей приблизились к первому кандидату на клонирование – ленивцу, тот флегматично поблескивал глазками даже тогда, когда Спец со своим прибором подобрался к нему чуть ли не вплотную, как того требовала инструкция. Настроив Преобразователь, он направил на зверька излучатель и нажал кнопку. И тут произошло неожиданное! Вместо того, чтобы раздвоиться, ленивец вдруг исчез! Друзья были в шоке! На бедного Джона без сострадания было невозможно смотреть.

– Ведь ты же клонировал Джерри! В чем дело? – негодовал Джон. Его карьера и даже свобода(!) – были под угрозой.

Спец и сам ничего не понимал. Он еще раз проверил правильность своих действий и убедился, что все было сделано без ошибок. Тогда он стал внимательно читать многочисленные сноски и примечания.

Вот оно! Эврика! В примечании говорилось о том, что объект клонирования не должен спать! В этом случае замедлялась мозговая активность, что приводило к нежелательным последствиям! Неужели исчезновение бедного ленивца – и есть результат такого последствия?!

Наверняка, ленивец все же уснул, пока Спец готовился к его клонированию. Но как вернуть сонного зверька из небытия? И он углубился в чтение инструкции, пытаясь найти хоть какое-то упоминание об этой операции.

Сэм, как мог, успокаивал упавшего духом друга:

– Джонни, мы с трех метров не заметили этого ленивца. Не заметят его и другие, ведь это не слон, в конце концов.

– И хвала Господу, что с этим русским горе-ученым мы не начали со слона. На бедняге ленивце мы и закончим! Если что, я смогу оправдаться, что это была плата за спасенного бегемота.

Между тем волшебник-неудачник, затаив дыхание, вчитывался в прыгающие перед глазами строчки. Он уже понял, что автор инструкции, видимо, забыл предусмотреть возможность отмены операции. А как было бы здорово, как в компьютере, например, нажать на полукруглую стрелку, и – порядок! Постой-ка, а это что? Внизу, в самом углу экрана, мерцало нечто похожее на такую стрелку-прожилку. Слепец! Стареешь, брат Петрович! Он, мысленно перекрестившись, нажал на стрелку, и... тут же услышал вопль Сэмми, стоявшего под деревом, на голову которому свалились сразу оба

ленивца!

Отсмеявшись, друзья на радостях даже решили пропустить по бутылочке пива. Но прежде надо было уменьшить клона в размерах. И тут опять возникла проблема: кто есть кто! Оба ведь неразличимы!

Изначально Петрович хотел, было, проделать это с взятым наугад подопытным мохнатым экземпляром, но тут вдруг в Джоне снова проснулся патриот, и он поставил жесткое условие «не издеваться над американскими животными!» Не думал Петрович, что споткнется на таком ровном месте. Но выход-то должен же быть!

Посоветовавшись, друзья решили забрать оба экземпляра, не уменьшая пока никого. Была даже на всякий случай придумана версия карантина для ленивцев. А завтра, на свежую голову, они решили все это еще разок обсудить.

«...Клонированное животное отличается от настоящего скорее даже не по химическому составу, а по энергетическому. Овечка Долли развивалась совершенно по другим законам, которые ученым еще не известны... Трансгенные свиньи дают больший приплод, а их поросята растут гораздо быстрее обычных. Но исследования показали, что четвертое, пятое, шестое поколения таких свиней уже не способны к размножению. Это означает, что с ними явно не все в порядке...»

Эту вырезку из газеты принес радостный Сэмми. Он,

по устоявшейся уже привычке, проверял мусорные баки на предмет получения информации об окружающем мире. Просматривая вчера вечером после бутылочки пива газету, он наткнулся на статью о клонированных животных. Его поразили не столько последствия клонирования, сколько то, каким образом можно отличить клонированных от их натуральных собратьев.

– Понимаешь, Пихто, – кричал он, размахивая клочком газеты, – в этом решение! Надо только собрать прибор, с помощью которого можно замерить их энергетический потенциал! А это, учитывая твой приборчик, смекалку и сообразительность вашего покорного слуги, – при этих словах он театрально поклонился, – не составит никакого труда! – и он принялся с жаром, размахивая руками и брызгая слюной, посвящать в технические премудрости Джона и Пихто.

Но Петрович его почти не слушал. Он думал как раз о бедных трансгенных свиньях (слово-то какое отвратное – трансгенные!) и о том, что могло бы ожидать его клонов через четыре – пять поколений, будь у них возможность размножения.

«С другой стороны, – размышлял он, – откуда взяться приплоду? Вывести пару – не реально. Тем более это и не входило в его задачу. С этой точки зрения он еще не рассматривал свою миссию. – А ведь действительно! Бедные зверушки будут просто лишены такой уникальной и естественной возможности, как создание семьи и ощущение радости ма-

теринства и отцовства. А, уменьшенные до неестественных размеров, они, скорее всего, станут испытывать постоянный стресс от общения с людьми, которые будут выглядеть в их глазах просто гигантами – и он вспомнил книжку о Гулливере, прочитанную им в детстве, которая произвела на него тогда неизгладимое впечатление.

«Звери вымрут, не оставив потомства. Это будут несчастные звери! И он, Петрович, тот злой колдун, который превратит жизнерадостных животных в несчастное их подобие! Да, они – просто клоны, и животные из зоопарка не пострадают, но клоны – тоже живые существа и тоже достойны счастья, они тоже имеют полное право на полноценную жизнь!»

От всех этих мыслей у Спеца разболелась голова, и испортилось настроение. Теперь, после этой проклятой заметки в газете из мусорного бачка, у него просто перевернулась жизнь! Спец был в отчаянии! Он представлял себя теперь в виде атлета, удерживающего двумя руками канат, который тянули в разные стороны добровольцы из толпы. Теперь он сам стоял на арене своих принципов. В одну сторону его тянули ответственность и чувство долга, а в другую – собственные морально-этические ценности.

Его новые американские друзья не могли не заметить разительную перемену в настроении Пихто. Сэмми, увлеченный своей новой технической идеей, замолк в растерянности, а Джон, давно уже наблюдавший за Пихто, сразу понял: что-то произошло.

– В чем дело, Пихто? – спросил он участливо. – Ты не заболел? На тебе лица нет. Неужели на тебя так подействовала проблема разделения животных? Или ты озаботился судьбой клонов? – Джон всегда отличался проницательностью и аналитическим складом ума.

– Да, друзья мои, представьте себе, мне их жалко! Но задание есть задание! В конце концов, я здесь на работе, мне платят командировочные, я на хорошем счету... – Пихто как будто сам себя уговаривал. Пока он говорил, щеки его пылали, а в его взгляде в первый раз можно было прочесть нерешительность! Таким потерянными американцы своего русского друга еще не видели!

– Успокойся, друг, – Джон положил руку на его плечо, а Сэмми ободряюще кивнул, – ты просто делаешь свое дело. Ничего личного!

О, Боже! Сколько раз Петрович слышал эту фразу из новомодных фильмов. И всегда это фраза прикрывала нечто мерзкое, гадкое и неприятное. Но это было в фильмах, а сейчас он – в своей собственной жизни, которую проживает именно здесь и сейчас! И решение надо принимать ему и никому больше!

С другой стороны, Петрович не вправе лишать население своего города радости от общения со зверьем. Тем более он уже был наслышан о грандиозных мероприятиях по организации зоопарка. Джон и Сэм, конечно, правы: это – его работа! И к тому же, благодаря Преобразователю, у него имеются

ся уникальные возможности всегда помочь своим подопечным. Петрович теперь в полной мере понял и оценил знаменитую фразу Экзюпери насчет ответственности за тех, кого мы приручили. Он что-нибудь придумает там, на месте. Может быть, предоставит кому-нибудь из зверей пару. А что, чем черт не шутит?! Или, к примеру, восстановит чьи-нибудь первоначальные размеры! Ну, что ж, жизнь продолжается. Все не так уж и плохо!

Петрович улыбнулся:

– За работу, друзья! Все в порядке, это просто была минутная слабость. Я просто немного устал. За работу! – еще раз повторил он и пожал им руки.

Глава 5

Пока Сэм работал над изобретением нового устройства, Спец и Джон продолжили начатый эксперимент с клонированием над следующим по списку животным – бенгальским белым тигром. Спец в свое время, интересуясь животными, много читал про них, в особенности – про хищников. Более всего его интересовали тигры как самые большие, самые умные, самые благородные и самые сильные из всех хищников. Даже царь зверей – лев – мельче чуть ли не в два раза самых крупных тигров и во столько же раз слабее. Известно, что, кроме охотников, именно тигры вытеснили львов из Азии. Тем более что вольер зоопарка с этими грозными обитателя-

ми как раз находился рядом. Да и мощный рев хищников не раз напоминал о своем существовании. Тем более что применительно к тигру требовался совершенно другой подход.

Красавец-самец лежал на солнцепеке совсем по-кошачьи. Друзья с осторожностью подошли к металлической сетке, отделяющей владение тигров от всего остального мира. Хищник расположился вблизи заграждения. Спец легонько постучал по сетке для привлечения внимания полосатого красавца. Тот, настороженно приподняв голову и приоткрыв глаза, уставился на людей, посмеявших его потревожить.

– Сейчас, красавчик, сейчас, – проговорил Петрович, набирая на приборе алгоритм превращения в тигра. Через несколько секунд на полянке перед дверцей в ограждении появился еще один представитель кошачьих, но несколько иного вида. На дисплее, который остался в руках Джона, горела надпись: «Семейство кошачьих. Тигр амурский».

Джон уже получил все необходимые инструкции по пользованию нехитрым прибором и, будучи человеком скрупулезным и пунктуальным, как нельзя лучше подходил Спецу в роли ассистента. Он открыл проход в сектор, и амурский тигр, не спеша, с достоинством зашел вовнутрь.

Хозяин, увидев непрошеного гостя, подобрался и ошетинился, выгнув по-кошачьи спину. Он угрожающе зарычал, готовясь отразить нападение более крупного пришельца. Но гость повел себя крайне дружелюбно, здороваясь и всячески выказывая свое почтение.

Если бы Джон мог понимать язык животных, то за рыканьем, впрочем, уже совсем негрозным, он бы услышал примерно такой диалог:

– Приветствую тебя, мой бенгальский брат! – начал гость. – Прошу не сердиться на меня за то, что я нарушил твое уединение и послеобеденный отдых. Я пришел с добрыми намерениями. У меня есть к тебе очень интересное предложение, после которого я сразу же уйду. Пожалуйста, удели мне немного внимания!

– Ну, что ж, – немного расслабившись, произнес бенгалец, и его голубые глаза сверкнули. – Я нисколько не сержусь. Напротив, здесь бывает немного скучно, и я с удовольствием тебя выслушаю.

При этом хозяин обошел кругом гостя, рассматривая его со всех сторон и оценивая его рыже-черный окрас шкуры.

Надо сказать, что тигры всех видов гордятся своим уникальным окрасом и очень ревностно относятся к соперникам по красоте. Оставшись, впрочем, удовлетворенным увиденным, он остановился напротив гостя и сел, обратившись в слух. Гость также уселся, точь-в-точь повторив позу бенгальца, и начал говорить:

– Я – амурский тигр из далекой России, самый крупный из всех видов тигров, недавно появился в этом зоопарке для того, чтобы ознакомиться с бытом и условиями проживания наших собратьев в Америке и, если многоуважаемый хозяин не против, ознакомить и его с нашим российским бытом.

А сделать это стало возможным благодаря новой технологии – клонированию. Клон лучшего из представителей славной породы тигров, – при этом амурец склонил голову перед хозяином, – отправится с ответным визитом в далекую Россию, чтобы, вернувшись, рассказать о житье-бытье их русских родственников, проживающих как в неволе, так и в бескрайней тайге на свободе.

Бенгалец встал и с достоинством задумчиво начал прохаживаться взад-вперед перед амурцем, попутно демонстрируя свою необычную шкуру с черно-белыми полосами. Его, искусственно выведенная в 70-е годы двадцатого столетия порода, являющаяся украшением любого зоопарка, на воле не смогла бы прокормиться из-за своего броского светлого окраса. И это немного угнетало белого тигра. Нет, он ни в коем случае не считал себя ущербным, напротив, он даже гордился своей необычностью, но в глубине души немного завидовал своим рыжим братьям, более удачливым в охоте.

Он смотрел на амурца и представлял себя рядом с ним на охоте в тайге! Он сам с большим удовольствием оказался бы там, но понимал, что бросить свою семью, двух тигрят было выше его сил. Но, раз есть возможность хотя бы его двойнику попасть туда, то почему бы и нет!

– Что я должен сделать? – деловито спросил бенгалец.

– Просто постоять неподвижно некоторое время, совсем недолго, и не пугаться появления своего двойника.

При появлении двойника бенгалец, несмотря на преду-

прежде, чуть было не бросился в драку. От возмущения наглым поведением клона он даже не успел удивиться этому волшебству. Еще бы, клон, не обращая ни на кого внимания, словно всю жизнь провел на этом пяточке, по-хозяйски направился именно в то место, где у бенгальца была припрятана тушка недоеденного кабанчика, выданного ему накануне зрителем. Этого хозяин вольера позволить пришельцу никак не мог!

Вдвоем с амурцем они оттеснили белого клона в угол загона, а затем подогнали его к стоящему наготове Джону. Тот направил излучатель Преобразователя, и... вот уже черно-белый пришелец, размером с небольшую кошку, испуганно жмет к металлической сетке ограждения. А там уже и Джон подоспел со специальным сачком и большой спортивной сумкой, в которую маленький бенгальский клон был с успехом и помещен.

Попрощавшись с хозяином, гость вышел из вольера и через некоторое время, восстановленный в своем прежнем человеческом обличье, он уже ехал рядом с Джоном.

– Ты знаешь, Пихто, – говорил Джон, – я поначалу сильно испугался за тебя, когда этот бенгалец угрожающе зарычал и изготовился к прыжку.

– Знаю, знаю, – поспешил перебить его Спец, – ведь именно за эту его манеру рычать перед прыжком тигру и приписывается благородство, в отличие от других кошачьих – например, леопардов, которые бесшумно нападают сзади. Я,

признаться, и сам немного стухнул.

Друзья ехали к трейлеру, где их уже поджидал Сэмми со своим новым устройством. Теперь можно было не сомневаться, что процесс клонирования животных проблем не составит, ведь на примере тигра – одного из самых несговорчивых животных – можно было представить себе всю предстоящую картину действий...

Сэмми, как всегда, если у него что-то получалось, сиял, как блин на сковородке. Рядом с ним в коробке из-под торта лежало нечто, опутанное разноцветными проводами.

– Я коммутировал потенциометр, реостат и... – начал было объяснять новый Эдисон, но его нетерпеливо прервал Пихто:

– Сэмми, дорогой, потом объяснишь, лучше расскажи, как этим пользоваться.

Прибор в эксплуатации оказался совсем несложным: подсоединив Преобразователь к устройству и направив излучатель на объект, оператору остается только нажать кнопку и отметить показание стрелки на приборной панели потенциометра. Если сравнить оба показателя, станет ясно, какое из животных является клонированным, так как энергетический потенциал клона должен быть иным. Для разных животных энергетика может быть разной. Для усиления сигнала Преобразователя и требовался реостат.

Принцип работы устройства из объяснений Сэма был, в

общем-то, понятен, а вдаваться в технические подробности ни Пихто, ни Джону не хотелось. Им хотелось скорее опробовать прибор на бедных ленивцах, проводших ночь в трейлере.

Ленивцы вовсе не казались бедными или несчастными, они удобно устроились в одном из отсеков трейлера и мирно спали рядышком, зацепившись огромными когтями за проложенную под крышей трейлера толстую деревянную балку. Отличить их было просто невозможно.

Когда разбуженные ленивцы были развешены по разные стороны балки, чтобы они опять не «перемешались», Спец под руководством Сэмми проделал все, что было необходимо. Удивительно, но прибор работал! Они действительно отличались уровнем потенциала! Сэмми испытывал триумф! Ради этого мгновения стоило жить! Он был счастлив.

Джон же был сосредоточенным, было заметно, что его тревожит некая мысль.

– Послушай, Пихто, – начал он, – как ты считаешь: у кого из них энергетический потенциал должен быть выше?

Этот простой вопрос поставил всех в тупик. Действительно, это вопрос принципиальный, и вовсе необязательно, что энергетика клона должна быть ниже.

И тут Пихто опять осенило: надо измерить потенциал у тигров и интерполировать полученный результат на ленивцев!

Как и предполагал Спец, энергетика клона все-таки ока-

залась немного меньше, чем у его натурального двойника. Таким образом, друзья опытным путем подтвердили высказывания биологов. Теперь ничто не мешало до конца осуществить задуманное.

Поскольку все животные из списка имели различный характер и норы, было решено продолжить клонирование с самых беспокойных, так как они дадут бесценный опыт общения с остальными. А самой бешеной по темпераменту была признана обезьяна-ревун.

– Когда я только поступил на службу в зоопарк, – рассказывал Джонни, – мне было поручено объехать всю территорию с целью ознакомления с предстоящим фронтом работы. И вот, когда почти вся территория была мало-мальски изучена, я вдруг отчетливо услышал лай собак. Надо сказать, при хоздворе имелись две собаки – овчарки. Но это были вышколенные псы, которые без команды никогда бы не подали голос. А тут целое собачье представление, время от времени прерывающееся ревом ослов. Что за шутки?!

Джон поспешил на шум, который и привел его к вольеру с ревунами. Оказалось, что это именно они и издавали звуки, так похожие на лай собаки и рев осла. Насколько они были шумными, настолько и непоседливыми. Они ни секунды не сидели на месте.

Спец только почесывал в затылке, размышляя, как их успокоить хотя бы на минуту. А пока он ломал голову, Джон и Сэмми веселились, глядя на уморительные трюки, проде-

лываемые шумными обезьянами.

– Гляди, Джонни, – кричал Сэм, – этот глупый самец схватил кусок лианы, а потом тут же отбросил, да еще с таким испугом, будто это змея какая-то! – Сэмми хохотал, как ребенок. И Спецу вдруг пришла гениальная идея, навеянная словами Сэма! Он вспомнил поразивший его в детстве эпизод из книги Киплинга про Маугли, в котором огромный питон Каа одним только своим видом усмирил и подчинил своей воле стаю мартышек, застывших в гипнотическом трансе. Вот оно, решение!

Вскоре друзья и сами убедились в справедливости высказываний известного писателя: ревун, сидевший в одиночестве на дереве, увидев Спеца в образе огромного сетчатого питона, буквально остолбенел, а его безволосая морда выражала неопиcуемый ужас.

Возможно, гипнотические свойства змей, приписываемые им некоторыми исследователями, были и не причем, но факт оставался фактом. Когда к дереву подошел Джон со своим прибором, ревун оставался неподвижным и безмолвным. Впрочем, через пару минут он, обрадованный отсутствием страшного врага, оглушительно вереща, пустился со всех ног к своим соплеменникам, не обратив ни малейшего внимания на своего двойника, вдруг возникшего на том же дереве.

Глава 6

Мэр нервничал. Последний разговор с Петровичем вызывал у него смутные опасения. Петрович был явно не в своей тарелке. Говорил неохотно, часто вздыхал. Такого пессимизма от него Пал Палыч никак не ожидал. На вопрос мэра: «что произошло?», Спец процитировал ему статью о клонировании из какой-то нью-йоркской газеты. Зачитывая ее, Спец выделил голосом то место, где говорилось о печальном результате исследований потомков клонированных свиней.

Мэр тогда только отмахнулся. Подумаешь – какие-то свињи не дали потомство! А может, это была случайность?

И только на следующий день мэр, вспомнив разговор с замом, задумался сам. Он знал, что Петрович никогда не стал бы раздувать из мухи слона и беспокоить по пустякам. Пал Палычу как человеку были близки сомнения Спеца, но как мэру, обещавшему всему городу устроить праздник – было не до сантиментов. Тем более механизм был уже запущен. Зоопарк будет населен зверями, и точка! Сейчас ему было не до потомков клонированных зверей. Все потом, потом!..

Прошло уже полтора месяца с тех пор, как Петрович уехал в Нью-Йорк. Все уже было практически готово к приему дорогих гостей. Все газеты уже раструбили об этом – на этот раз пресса не ошиблась в своих догадках: открытие зоопарка мэр действительно решил приурочить к знаменательной дате

– дню города, которая наступит ровно через месяц. И, судя по недавнему разговору с замом, в сроки он укладывался.

Петрович, нехотя, словно боясь спугнуть удачу, сообщил, что все идет по плану, и большая часть работы по клонированию и уменьшению животных из списочного состава уже проделана. Звери помещены в специальный трейлер, в котором они и будут потом доставлены к месту их постоянного проживания.

А здорово придумал Петрович с клонированием! Когда мэр в первый раз услышал об этом от зама, он сначала вообще решил, что тот шутит. Конечно, про овечку Долли не слышал только глухой. Но клонировать всю заказанную им сотню зверей – это было из области фантастики! Впрочем, после того, как Петрович на его глазах с легкостью превратился в черного кота, мэр уже безоговорочно принимал на веру все, что сообщал ему друг.

И все же Пал Палыч чувствовал, что Петрович что-то не договаривает. Видимо, не все было гладко с его работой. Но об этом Спец пока помалкивал.

А ночью мэру приснился сон. Будто он – король некоего маленького королевства, а его подданные – сплошь одни животные. И они разделены на две касты, подобно индийским. Одна каста – «жрецов» – богатая, всемогущая и счастливая, может иметь семьи, рожать детей, занимать высокие посты в королевстве. Тогда как другая каста – «неприкасаемых» – вынуждена влачить жалкое бездетное существование на чер-

ных работах.

Король понимает: долго так продолжаться не может, уже назревает революционная ситуация, которая может привести к свержению его монаршей власти. И виноват во всем этом безобразии будет только он, король, допустивший несправедливость к своим подданным!

Мэр проснулся весь в поту и долго не мог выйти из состояния оцепенения, в котором пребывал после ночного кошмара.

– Надо же такому присниться! – произнес он вслух и потер виски. Настроение у него было отвратительным. И первый раз в жизни Пал Палыч начал собираться на работу с большой неохотой.

Он сидел за своим рабочим столом неподвижно вот уже часа полтора. Секретарша время от времени осторожно заглядывая в его кабинет, каждый раз поражалась его виду и поведению. Утром мэр, отказавшись от традиционного чая, – дома он не завтракал, – попросил у нее таблетку от головной боли и приказал никого с ним не соединять. Такого еще никогда не было! Всегда бодрый и приветливый, сегодня шеф был немногословен и угрюм. Он сидел, тупо уставившись в одну точку, и даже не ответил Лидочке, которая поинтересовалась: не перестала ли у шефа болеть голова.

Пал Палыча одолевали невеселые мысли. После сегодняшней ночи он поймал себя на том, что запомнил свой сон в мельчайших подробностях и красках. Это был явно дурной

признак, ведь раньше такого не происходило!

«Может, я старею?» – спрашивал себя мэр. Он никогда не задумывался об этом, ведь сорок пять лет для мужчины – не возраст!

Но не сегодня! Он сидел и с грустью вспоминал свою семью, которой был лишен вот уже почти десять лет. Свою жену Вику, которая, изменив ему с заезжим артистом, вскоре уехала к нему в другой город вместе с их младшей дочерью Ирочкой. Своего старшего сына Вадима – военного, служившего на маленькой заставе, у которого своя жизнь. Он недавно женился и теперь готовился стать отцом. И своего отца он тоже не забывает: пусть не часто, но звонит по праздникам, поздравляет отца, интересуется его делами, его личной жизнью. А какая тут личная жизнь? Любимая работа, родной город – вот и вся его личная жизнь!

Несмотря на вынужденную разлуку с детьми, мэр старался поддерживать с ними отношения. Он дорожил этим, как любой нормальный человек и любящий отец. И теперь именно этот факт заставил Пал Палыча серьезно поразмыслить над тем, вправе ли он лишать потомства своих будущих подопечных, пусть даже и в четвертом поколении?

Сейчас его голова была занята только этим. И чем больше он думал, тем яснее понимал, что невольно сам себя загнал в ловушку, из которой не видел никакого выхода.

Между тем, дело потихоньку продвигалось к завершению. Почти все животные из списка были отобраны и «обработаны» – как невесело шутил Сэм. Он вообще очень хорошо вписался в дружный коллектив «ветеринаров». Только первое время был не в своей тарелке, но то ли воздух, пропитанный ароматом растений, то ли дозированное применение эликсира, настоянного на «хэлбэке» сделали свое дело. Он снова превратился в того, кого и сам уже изрядно подзабыл – хорошего и веселого рубаху-парня, преданного друга и отличного специалиста своего дела.

Львиную долю работы Сэмми с удовольствием взваливал на свои плечи и очень гордился своим новым положением – помощника Джона и Пихто.

Все они ходили в белых халатах и вызывали неизменное уважение окружающих. Только завидев джип, транспортирующий трейлер с красными крестами на бортах, все водители с готовностью уступали место. Слава Богу, что среди зверей и птиц, удостоившихся внимания эскулапов, больных было на удивление мало, хотя для наших друзей после истории с бегемотом это уже не было проблемой.

А перемещаться по огромной площади зоопарка было непросто. И это несмотря на хорошие для подобной местности дороги, где, как правило, границы территорий образова-

ны естественными водными преградами и, оставаясь практически невидимыми, терялись среди холмов и пышной растительности. Все было устроено с огромной любовью к животным, заботой о них и уважением к посетителям.

Любая скала, подмытый потоком берег, твердый, как камень, ствол исполинского дерева, переплетенные лианы – все это создавало ощущение подлинности. И самое главное, эта смесь природного и искусственного декора давала животным возможность бегать, прыгать, охотиться, лазить по скалам и деревьям, устраивать гнезда, добывать пищу – в общем, вести себя так же естественно, как и на воле.

Спец не рассматривал свою миссию здесь как некую трудовую повинность, напротив – он отдыхал душой и телом среди этого великолепия флоры и фауны. Но в последнее время, помимо переживаний о бедных потомках клонов, ему также не давала покоя мысль о том, что не все отмеченные мэром звери находились здесь, в Бронкском зоопарке.

Так, например, очень редкий и необычайно красивый вид обезьян – золотистая обезьянка – водился лишь в Китайском заповеднике, а карликовые бегемоты – в Австралийском зоопарке (хотя Петрович, хоть убей, не понимал, зачем мэру понадобился именно карликовый бегемот, если все привезенные им звери и так будут карликовыми?!).

Дело было в том, что пейджер оказался не таким продвинутым, как зооконсультанты мэра! Той же золотистой обезьяны, занесенной в Красную книгу и категорически запре-

щенной к вывозу, в его памяти не было, и, значит, превратиться в нее Петрович не мог, что значительно облегчило бы ему процесс клонирования. Из полуторамесячного опыта работы с различными животными и птицами Петрович в очень редких случаях, как, например, с ленивцами, обходился без превращения. Животные, как правило, очень настороженно относились к людям даже в условиях, весьма приближенных к естественным. Видимо, им все равно приходилось волей-неволей сталкиваться не с самыми лучшими представителями рода человеческого. Да и отправиться за пределы Америки он мог только один. И кто его знает, как все сложится там без неоценимой помощи его новых друзей.

Можно было бы, наверное, махнуть на них рукой, ведь он и так выполнил подавляющую часть работы. Но тогда задание не было бы выполненным на все сто! И в этом был весь Петрович! Он не мог успокоиться, пока все вопросы не будут решены, тем более, что время пребывания Спеца в командировке со страшной скоростью мчалось на убыль.

Что касается китайского заповедника, обезьяны там вообще предоставлены сами себе! Они живут в горах среди бамбуковых зарослей. Добраться туда, оставаясь незамеченным, было нереально, но, если даже и удалось бы подобраться к животному близко, заставить обезьяну замереть хотя бы на минуту вряд ли возможно. Уж он-то сейчас об этом знает, как никто другой!

Остаться незамеченным! Вот именно! Его словно стук-

нуло! Он живо вспомнил исчезнувшего ленивца. Тогда это произошло случайно, но теперь такая случайность ему очень бы пригодилась. И у него возникла новая идея.

Рассказав о проблемах и своей идее Джону и Сэмми, Спец вовсе не рассчитывал получить от них мгновенную поддержку, однако Джон сразу же успокоил его:

– О клонах, Пихто, можешь не волноваться. Мы с Сэмми позаботимся о них в твоё отсутствие. А что касается проблемы с невидимостью, что-нибудь придумаем. Да, Сэмми?

Но Сэм, казалось, не слушал. Он о чем-то напряженно размышлял, о чем красноречиво говорил его сморщенный лоб.

– Джентльмены, я, кажется, знаю, как решить эту проблему – сделать тебя, Пихто, невидимкой. Я даже придумал рабочее название своему новому изобретению, – Сэмми приосанился, – устройство-невидимка модели «SM-3», что означает «Сэмюэль Майллз-3», то есть третье по счету изобретение. Ну, как?

– Замечательно, если только твоя «SM-3» действительно будет работать, – охладил его пыл скептик Джон.

– Я рассуждал так, – начал Сэм, – когда исчез ленивец, Пихто объяснил, что это было случайностью, вызванной сном. И когда на меня свалился даже не один ленивец, а сразу оба, я тоже, как и Пихто, сразу подумал, что эту возможность пейджера неплохо было бы как-то использовать. И та-

кой случай представился сейчас!

Мы с помощью снотворного усыпим тебя, Пихто, нажмем на кнопку клонирования, и ты тю-тю – исчезнешь! Перед этим, естественно, тебе надо будет набрать нужные координаты. Через некоторое время ты уже будешь в своем Китае и можешь делать свою работу, оставаясь невидимкой, даже когда проснешься. Что скажешь?

Спец потер виски:

– Подожди, дай разобраться. Значит, сначала вы меня здесь усыпите, затем проявится побочный эффект клонирования и я исчезну. Но как вы нажмете кнопку для отправки меня в Китай, если вместе со мной исчезнет и Преобразователь?

– Вот для этого и нужен таймер – основа моего прибора! – просиял Сэмми. – Мы выставляем на таймере время срабатывания кнопки перемещения на более поздний срок, чтобы она сработала уже после того, как ты исчезнешь вместе с пейджером. Теперь понятно?

– И что дальше? – не утерпел Джонни.

– А дальше Пихто уже на месте проснется и, в зависимости от обстоятельств решит, оставаться ему невидимым или нет. Ему достаточно будет нажать на полукруглую стрелку на дисплее, чтобы вновь стать видимым. Я надеюсь, с обезьяной он справится и переправится назад.

– А почему ты решил, что я проснусь невидимым? Это – большой вопрос! Ведь если это не так, обезьяны разбегутся,

и все наши приготовления пойдут насмарку.

– Ты прав, Пихто, я об этом не подумал, – Сэмми был огорчен.

– Пойдите, друзья, а что мы теряем, если все это отрепетуруем здесь? – вскричал Джон.

Все, конечно, с ним были согласны. Репетицию решено было провести сразу после создания «SM-3».

На следующий день сияющий Сэмми принес небольшой сверток, завернутый в любимую Сэмми «Times». Внутри оказался... обычный, на первый взгляд, квадратный будильник, с обратной стороны которого были прикреплены две маленькие коробочки и небольшая плата с припаянными транзисторами, сопротивлениями и тому подобной ерундой. Все это было опутано проводами, но еще оставалось место, на которое и указал изобретатель:

– Сюда вставляется твой пейджер, лицевой стороной наружу. Ты принимаешь снотворное, потом на циферблате часов выставляешь время срабатывания кнопки перемещения, затем нажимаешь на кнопку клонирования и сразу же – на кнопку перемещения. И все, дело сделано! Понимаешь, Пихто, все это ты можешь проделать и без нас! Остается только определить время, в течение которого действуют таблетки, и понять, что произойдет, когда ты проснешься. Джонни, ты принес снотворное?

Наконец, все было готово. Пихто был усажен и закреплен ремнями к «экспериментальному» стулу», а на шею ему по-

весили будильник с пейджером с выставленными координатами хоздвора, где, кроме собак, к моменту его появления, как рассчитали друзья, никого не должно быть.

Решено было дать две таблетки. Как уверял Джон, эта доза имела почти мгновенное действие и продолжала работать в течение восьми часов, то есть, примерно до шести утра следующего дня. На протяжении всего эксперимента Сэмми с Джоном будут дежурить на хоздворе, куда они отправятся сразу же после перемещения их товарища.

– Поехали! – уже традиционно воскликнул Пихто, проделав все необходимые манипуляции, и закрыл глаза.

Глава 7

Джона разбудил какой-то посторонний звук, доносящийся снаружи. Он осторожно вышел из джипа, чтобы не потревожить посапывающего на заднем сиденье Сэмми, и тихо прикрыл дверцу. Свой джип они припарковали на хоздворе недалеко от входа. Светало. Он посмотрел на часы. Было около пяти. Джон зябко поежился от утреннего холодка и прислушался. В противоположном от них углу довольно большой площадки явно что-то происходило.

Подойдя поближе, он увидел следующую картину: Ланкастер, один из псов, живших при хоздворе, вел себя в высшей степени странно. Он с глухим ворчанием вертелся вокруг своей оси, шерсть у него была вздыблена, пасть оскале-

на. Второй же пес – Йорк – тоже из породы немецких овчарок, испуганно жался к своей будке. Оба пса – старожилы зоопарка – зарекомендовали себя как надежные, воспитанные и преданные животные, не раз помогавшие зрителям в их нелегкой работе. Но сейчас, проснувшись, они оба вели себя необычно, хотя и по-разному.

Тем временем более смелый Ланкастер, нюхая воздух, осторожными шагами приближался к ангару с хозяйственной утварью, стоящему вплотную к ограждению недалеко от их будок. Он подошел поближе и остановился, продолжая угрожающе ворчать и усиленно принюхиваться. Джон, уже догадавшись, в чем дело, следовал за ним.

– Пихто, а Пихто! – негромко позвал Джон, замечая, как вздрогнул от его голоса Ланкастер. Видимо, у старого пса нервы были на пределе. Прижав уши и оскалив пасть, он оглянулся на Джона, словно прося поддержки и, глухо ворча, снова устался в совершенно пустой темный угол. Джон хотел, было, снова подать голос, как вдруг пес насторожился. Его поведение несколько изменилось. Он зарычал с еще большей злобой, но невооруженным глазом было видно, что старый пес сильно растерян. Он попятился назад, шерсть его вздыбилась, ноздри раздулись, при этом он медленно поворачивал голову, как бы следя за чьим-то перемещением.

Тут от неожиданности вздрогнул и сам Джон: на том месте, куда минуту назад рычал Ланкастер, преспокойно стоял их старый знакомый – канцелярский стул, обитый умелыми

руками Сэма.

А это означало, что их эксперимент удался! Но, если на появившемся стуле никого не было, значит, Пихто уже проснулся и сошел с него, оставаясь при этом невидимым! ... Или он все еще на стуле? Джон подошел и стал осторожно тыкать пальцем в пространство над сиденьем. Сзади раздался смех. Так смеялся только Пихто:

– Смотри, не проткни меня насквозь!

Джон обернулся и, к своему удовольствию, а также к неопишуемой радости обоих псов, прыгающих вокруг, увидел его собственной, немного помятой, персоной.

– Вы себе не представляете, – захлебывался от возбуждения Спец, когда его окружили друзья, – какое это незабываемое ощущение – быть невидимым! Ты видишь всех, тебя – никто! Если бы не собаки, я бы с вами, ребята, сыграл здесь забавную штуку. Парни, у нас все получилось! Да, а вы обратили внимание, что, когда я покинул стул, он моментально стал видимым! И еще, я видел самого себя, свою одежду, пейджер на шее, предметы у себя в кармане, а также все, что меня окружает! Но меня со всеми моими личными вещами не видел никто!

Петрович подумал о том, что такой же адреналин он получил во время своего удивительного путешествия за «кладом» своего предка, а также, когда услышал предложение стать бессмертным от Лукерьи. Но это уже были совсем другие ощущения. И ему до жути захотелось домой к жене и до-

чери.

– Что-то ты погрустнел, Пихто! – от зоркого взгляда Джона ничто не ускользало! – С чего это вдруг? Ведь эксперимент удался!

– Да вот, вспомнилось кое-что... – его вдруг стало безумно интересно: а как бы поступили его американские друзья, окажись они перед таким фантастическим выбором?

– Скажите, друзья мои, – наконец решился Спец, понимая, что таким своим вопросом не нарушает бабкиных запретов, – если бы вам предложили стать бессмертными, как бы вы поступили?

Наступила продолжительная пауза. Американцы уставились на своего русского друга, как на сумасшедшего, но тот был вполне серьезен.

– А почему ты спрашиваешь об этом? – Джон участливо и несколько настороженно взглянул на Пихто. – Ты, часом, головой во время последнего эксперимента не ударился? Или твой русский чудо-пейджер и на это способен? – последние слова он произнес с кривой улыбкой.

– Я вполне здоров! – успокоил его Петрович, игнорируя последнее замечание. – Просто стало интересно. Так как все-таки? Чисто гипотетически!

– Я бы – с огромным удовольствием! – подал голос Сэм. Он мечтательно закатил глаза. – Подумайте сами, джентльмены: если я бы стал бессмертным, это означало, что мне бы не пришлось рыскать в поисках еды, ведь голодная смерть

мне бы уже не грозила! Мне не нужно было бы бояться простуд, когда я ночью на скамейке в парке, не надо опасаться болезней, которые я мог бы подцепить, болтаясь зимой по ночлежкам, я бы не дрожал при виде зеленых чертей при за-
пое! И потом, подумайте, друзья, как это здорово видеть, что твои недруги сдыхают, а ты – все еще коптишь небо назло всем. Тем более мне и терять-то особо некого! – он помолчал. – Я тебе не говорил, Пихто, а ведь у меня была когда-то семья... и даже маленький ребенок. Джонни знает, как я любил свою Энни, пока она не спуталась с Патриком О Гилви из химчистки на Седьмой Авеню. Этих ирландцев я просто ненавижу! Вот, кстати, если бы я его пришел тогда, я бы смог, не напрягаясь, отсидеть в каталажке любой срок... кроме пожизненного, конечно! А так, мне просто пришлось набить ему морду и убраться восвояси до приезда копов. Вы бы слышали, как визжал этот ирландский недоносок! Да, я ушел, бросив все, но я не жалею об этом, ведь теперь я живу свободной жизнью... Разве что, иногда мне немного хочется увидеть Лизи – мою дочку. Ей теперь, кажется, около девяти... Нет, джентльмены, бессмертие – чертовски привлекательная штука, особенно для таких хороших парней, как я! А ты что скажешь, Джонни?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.